

Мария
Сакрытина

НИКАКИХ ПРИНЦЕСС!

Девушка без права на ошибку.
Звезды юмористического фэнтези

Мария Сакрытина
Никаких принцесс!

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сакрытина М. Н.

Никаких принцесс! / М. Н. Сакрытина — «Издательство АСТ»,
2016 — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического
фэнтези)

ISBN 978-5-17-113298-9

После «долго и счастливо» приключения только начинаются! Над сказочной страной сгущаются тучи, предсказание о Темном Властелине вот-вот сбудется, и Виоле придется выбирать: мать, которая настаивает, чтобы дочь нашла подходящего спутника и родила наследницу королевства фей; или возлюбленный, который все глубже и глубже погружается во тьму.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113298-9

© Сакрытина М. Н., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог,	6
Глава 1,	9
Глава 2,	25
Глава 3,	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мария Сакрытина Никаких принцесс!

© М. Сакрытина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог, *в котором есть актеры, отравленные яблоки, белый кролик и новый злодей*

– ...И кинжалом, что сестры преподнесли
Мне в дар, должна я жизнь любимого
Забрать?..

На последнем слове голос юной актрисы сорвался, а бутафорский нож в тонкой руке дрогнул. Сглотнув, девушка крепче сжала украшенную фальшивыми сапфирами рукоять и, поймав взгляд лежащего на кровати актера-«принца», вдохнула поглубже. Открыла рот... но поняла, что не помнит ни слова.

Прошла секунда, потом две. На третьей актриса, схватив нож обеими руками, бросила отчаянный взгляд на суфлера...

– Да бей наконец! – раздраженно бросила Изабелла из зрительного зала. Места вокруг нее пустовали... Впрочем, ничего удивительного в этом не было: пустовал почти весь зрительный зал: новая владелица главного сиернского театра приглашала на репетиции только избранных – и всех потом кормила своими знаменитыми отравленными яблоками с зельем забвения. Желающих проникнуть в ее новое королевство от этого, однако, меньше не становилось. Посмотреть, как низложенная королева ставит слезливую историю о несчастной любви, мечтала вся страна – билеты на премьеру расхватили быстрее, чем горячие пирожки.

– Ваше Величество... – Актриса откашлялась. – Простите, госпожа, но по сценарию я должна пощадить принца и бросить кинжал в море, а не...

– Да? – перебила Изабелла, быстро-быстро пролистывая сценарий. – Какая глупая пьеса. Правильней было бы выкинуть в море принца... Попробуй его все-таки разок ударить. Так будет зрелищнее.

– Госпожа, я не думаю... – подал голос сидящий на пару рядов ниже режиссер, но экс-королева только отмахнулась:

– И правильно. Думаю тут я. Бей!

Пожав плечами, актриса картинно замахнулась... «Принц», в нужный момент закрыв глаза, принял нож под мышку, не забыв также картинно вздрогнуть и захрипеть.

Изабелла бросилась к сцене.

– Ну кто так бьет? Ну кто так умирает?! Дай сюда! Нож давай! – И, выхватив бутафорский кинжал у отпрянувшей актрисы, закричала еще громче: – Это что? Ты где это взяла? На кухне? Он же *тупой*!

– Но, госпожа, – режиссер тоже поднялся и заторопился к сцене, – это ведь не настоящее убийство, а воображаемое действие...

Закончить он не успел – экс-королева уже выхватила откуда-то маленький изящный кинжальчик, поймала за ворот бросившегося было наутек актера-«принца» и толкнула его обратно на кровать.

– Смотрите, как надо правильно сердце вырезать...

Незадействованные в сцене актеры, режиссер и рабочие испуганно ахнули. Актер-«принц» сжался, закрыв глаза, чувствуя холодный кончик лезвия у своей груди...

– Вот! – Изабелла убрала кинжал и выпрямилась. – Вот настоящие эмоции. А не то, что вы сейчас изображали. Еще раз, – и протянула ошеломленной актрисе бутафорский нож.

– Госпожа, при всем уважении, – вклинился режиссер, – от текста пьесы мы отступить не будем. Его писал сам Златоуст Крысолов, и его работа была одобрена Его Величеством, поэтому...

– Хорошо, – снова перебила его Изабелла. – Если Его Величество так хочет слезливую драму, пусть подавится. Но экспрессию я все-таки увижу. Ты, – она повернулась к актрисе, – думаешь об убийстве своего возлюбленного. Возлюбленного! Думай об этом с чувством.

– Но я думаю, – жалобно пролепетала актриса. – Я правда думаю. Госпожа, я не понимаю...

Изабелла улыбнулась – той кривой, злой улыбкой, от которой в былое время замирало все королевство, а теперь только главный сиернский театр.

– Да, я забыла сказать, – подавшись к девушке, шепнула она. – Я навестила утром твоего свинопаса... Или кузнеца... Кто он там? Так вот, милый мальчик... Ты получишь его сердце назад, когда меня устроит твоя игра. Так что давай, девочка, старайся.

И, потрепав побледневшую актрису по щеке, Изабелла вернулась в зрительный зал.

– ...К-кинжалом, что с-сестры... – с надрывом раздалось спустя мгновение со сцены.

– Вот, уже лучше, – улыбнулась экс-королева. – Вы все будете делать то, что я говорю.

И хоть актрисой Изабелла действительно была посредственной, вниманием зрителей (сейчас – актеров, рабочих и режиссера) ей в такие минуты удавалось завладеть полностью.

А когда не действовали улыбка и угрозы, в ход шли отравленные яблоки.

Неудивительно, что уже спустя пару дней таких репетиций актеры отправились на прием к королю всем составом, и ни городская, ни дворцовая стража не смогли их остановить. Никто не смог, кроме самой Изабеллы, очень возмущившейся, почему это вся труппа прогуливает репетицию.

А король, говорят, в тот день отсиделся в школе...

Перерыв на обед на этот раз – как, впрочем, и всегда – задержали. К концу актриса, игравшая главную роль, билась в рыданиях, избитый ножом «принц» лежал в глубоком обмороке, а режиссер несколько раз бегал за нюхательной солью – три флакончика подряд он умудрился потерять во мраке зрительного зала.

– Ничего, – обнадежила бывшая королева, величественно поднимаясь, – к ночи мы эту сцену добьем. А пока отдыхайте.

«...если осмелитесь» повисло в воздухе. И никто даже не рискнул застонать вслед Изабелле – как бывало в первые дни.

Уже в своем кабинете она позволила себе рассмеяться. Ей определенно нравилось управлять театром. Пусть встретили бывшую королеву здесь холодно: некоторые помнили, как с первой же репетиции ее с позором выгнал бывший владелец; а некоторые просто злорадствовали над королевой, лишившейся трона... Пусть. Они думали, ей не справиться? Думали, она откажется, бросит и уедет тихо растить сына в далекой провинции? Ха! Изабелла успешно правила королевством и чуть-чуть не захватила мир – неужели ей не покорился бы какой-то театр!

Из зеркала на стене – не волшебного (все ее колдовские зеркала разбил этот лис, пасынок Ромион) – на бывшую королеву смотрела та, что краше всех в Сиерне, а может, и во всем мире. Волосы цвета черного дерева, кожа белая как снег и губы алые, точно кровь... От женщины в отражении невозможно было оторвать взгляд, и Изабелла даже не сразу обратила внимание на еще одно возникшее из сумрака лицо. А заметив, недовольно обернулась.

Сидевший в кресле у двери юноша мог бы стать достойным кавалером для королевы из отражения. Он был красив – хищной, острой красотой, которая пристала злодеям-разлучникам в трагедиях или харизматичным негодяям в комедиях. Темные волосы оттеняли мраморно-белую кожу, а зеленые колдовские глаза притягивали, пробуждая порочные желания и тут же обещая их исполнить... Изабелла не стала в них долго смотреть. Она откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

– Как неприлично – прятаться в комнате дамы... Чем обязана? – Она сделала многозначительную, достойную театральной примы паузу.

Юноша тоже улыбнулся – за такую улыбку женщины выстроились бы в очередь и отдали бы свои сердца сами... Или показали, как правильно их вырезать.

Изабелла усмехнулась.

– Мне нужна не ты, колдунья. Мне нужен Темный Властелин.

Изогнув брови, Изабелла тихо рассмеялась:

– Темный Властелин? Я не прячу его под столом, мальчик. Так что... поди вон из моего кабинета.

Незванный гость предсказуемо не пошевелился – даже улыбка не поблекла.

– Это правда, что лучше тебя никто не знает, как забрать сердце, человеческая ведьма?

А вот теперь Изабелла смеялась уже искренне.

– И ты, мальчишка, решил забрать сердце Темного Властелина? – Она с улыбкой покачала головой. – Ты опоздал. Его сердце уже отдано другой. К тому же что проку в сердце этого глупца?.. Хотя сияет оно сейчас, конечно, красиво. – Спohватившись, она снова бросила взгляд на незнакомца. – Уходи, мальчик. Иди, мне нужно работать. И не смей больше вламываться в мой кабинет без приглашения, или я украду и твое сердце.

Она замерла, когда юноша, посерьезнев, нагнулся, поднял стоявшую на полу у кресла клетку и поставил ее себе на колени.

В клетке замер белый кролик.

Смертельно побледнев, Изабелла вскочила.

– Томми!..

А юноша, просунув между прутьями палец, почесал дрожащего кролика за ухом.

– Кажется, я нашел твое сердце, колдунья, – спокойно произнес он. – И оно теперь у меня. Сядь.

Медленно, не сводя глаз с клетки, Изабелла опустилась в кресло.

– С твоим сыном ничего не случится. – Юноша постучал по клетке пальцем – *тум-тум*, – и кролик растаял в воздухе. – Конечно, пока ты будешь делать то, что я прошу.

Спустя мгновение пропала и клетка.

– Томми – наследник сиернского трона, – сдавленным голосом начала Изабелла.

– Я знаю, – беззаботно отозвался юноша. – Ты хочешь сказать, что король этой человеческой страны начнет на меня охоту, как только узнает, что его младший брат пропал? Ну и пусть. Ты же не так глупа, колдунья, чтобы решить, что какой-то человек или его волшебники смогут меня хотя бы найти, не то что успеть помочь твоему сыну?

Изабелла спрятала руки в складках платья – там не было видно, как они дрожат.

– Чего ты хочешь? Какой тебе прок с сердца Темного Властелина?

Юноша снова улыбнулся.

– Какая разница? Ты просто поможешь мне его добыть. А теперь... – Он потянулся, взял из корзинки на столике одно из румяных яблок. И под взглядом бывшей королевы с удовольствием откусил кусок. – А теперь расскажи мне про эту «другую».

Глава 1, *в которой на наглядном примере показано, что после «долго и счастливо» проблемы только начинаются*

– Ну как? – спрашивает Дамиан.

Я бросаю взгляд на планшет, где мигает ярлык скайпа, приглушаю музыку и честно отвечаю:

– Никак.

– Совсем никак? Но, Виола, я же отправил тебе вчера все решенное задание. Может быть, ты мои заметки не поняла? Или не нашла? Я их в конце каждого решения написал...

Написал. Нашла. Поняла, что почерк Дамиану следует менять. А еще – очень сомневаюсь, что наш математик одобрит выписанную из уравнения пентаграмму с дополнением «из нее очень удобно вызывать анималия, только повернуть на двадцать градусов и вот здесь знак поменять...».

А если быть совсем честной, то я вчера сразу, как получила решения Дамиана, бросила их на стол и забыла – очень не хотелось отрываться от новой приключенческой истории. В итоге роман я «прикончила» поздно ночью с фонариком под одеялом, не выспалась, решения сейчас в первый раз просматриваю, а завтра контрольная по этим чертовым интегралам, и мне заранее плохо...

– Виола? Давай ты подвинешь свое зеркало так, чтобы я тоже видел решения, и мы вместе разберем?

Меньше всего мне сейчас хочется разбирать с Дамианом алгебру. Но когда дело касается синусов-косинусов, то мои руки доходят до них всегда в последнюю очередь, а настроения решать и вовсе никогда нет. Так что какая разница: сейчас или потом? Сама я точно ничего не пойму... Если вообще заставлю себя за них сесть, а не нырну с головой в очередной роман.

Так что, сжав волю в кулак, поднимаю планшет на уровень глаз – Дамиан видит меня, улыбается. И тут же с тревогой спрашивает:

– Виола, что такое? Ты так выглядишь... То есть ты такая... – Это нормально для Дамиана, когда он смотрит на меня, – заикаться. И я нахожу это очень милым (хоть и раздражает иногда).

– Несчастливая я. – Ветер бросает волосы в лицо, и я машу свободной рукой, отводя их. – Плохо мне. У меня корень не извлекается.

Дамиан моргает. Кажется, он не понимает, как это у кого-то может не извлекаться какой-то там корень, ведь (цитирую): «Это же очень легко!»

– Точно? А тебя там никто не обижает? Виола, точно? Ты только скажи!..

Я сдерживаю смех. В прошлый раз мой конфискованный на физкультуре планшет перешел в режим скайпа прямо на уроке, как раз когда учитель показывал мне, как правильно метать мячи в цель. Планшет стоял на подставке, так что Дамиану, когда он режим камеры включил (или как там у него это в заклинаниях называется?), все было очень хорошо видно. Минут пять (судя по длительности звонка) он наблюдал. А потом, уже после урока – ровно столько времени потребовалось Дамиану, чтобы прогуляться в Астрал и соорудить портал, – он вывалился прямо перед обалдевшим физруком с претензиями. Слава богу, в это время мои одноклассники уже разбрелись по раздевалкам, и мне удалось вовремя вытащить Дамиана на стадион за школой. В итоге я узнала, что ни один мужчина (который не мой отец) уже не может трогать меня за талию и ниже (да ради бога, физрук просто показывал, как корпус наклонить!), а учитель насмотрелся на «этих чокнутых ролевиков» (за кого еще он мог принять Дамиана в одежде этак эпохи Ренессанса?). Я же получила зачет за метание мячей в цель, потому что

процесс выяснения отношений закончился именно этим. Нет, вру, он закончился, когда «этот чокнутый ролевик» подхватил меня на руки и утащил за территорию школы, где я немного остыла. И слава богу, никто, кроме учителя, этого не видел: мои одноклассники торопились на алгебру.

– Говорю. Меня алгебра обижает. Дамиан, спаси меня, пожалуйста. – Надеюсь, получается достаточно похоже на даму в беде?

Наверное, да, потому что Дамиан кивает, задерживает на мне взгляд еще мгновение, потом смотрит на свои записи.

А мне интересно: когда он смотрел на меня, кого он видел?

Дело в том, что, когда папа опомнился (довольно быстро, и трех дней не прошло), он вызвал меня обратно в этот мир и категорично заявил, что закончить школу – мой дочерний долг. А образованию сказочного мира папа не доверяет («Посмотри, что они с твоей мамой сделали!»). И то, что я теперь наследница фей, не отрицает того факта, что «тройк» по математике у меня до сих пор не исправлен. В общем, какие там Зачарованные Сады, какая школа, какие свидания – «Ты, Виола, взрослая, вот и веди себя соответственно». В папиной интерпретации – сиди за учебниками, а потом сдай экзамены в «бауманку». Угу – мечтать не вредно.

В спор вмешалась мама, но папа уже был ученый – он не то что ее больше не целовал, а даже и не смотрел (потому как феи действительно сражают человеческих мужчин наповал одним своим видом). Очень забавно было, когда он высказывал стене свои требования, а мама использовала меня как связную, требуя передать «этому ослу»... много всего.

В результате я хожу сразу в две школы. По очереди – месяц в одной, месяц в другой. Папа договорился с моей директрисой здесь, мама разобралась со школой там. Мое мнение не учитывалось – а мне было что сказать (и до сих пор есть). Не знаю, как это «обучение» будет выглядеть: пока что с первого сентября я пошла на занятия, как раньше; а в мамином мире как раз очень удобно настали каникулы на месяц (целиком поддерживаю начало учебы с октября, пусть везде так будет!).

Так что Дамиан сейчас наслаждается отдыхом, а я тут чахну над математикой.

– Виола, но это же совсем просто! – восклицает он после третьего круга объяснений.

– Это тебе просто, – бурчу я, протыкая график автоматическим карандашом. – Не все же такие умные.

Между прочим, Дамиану потребовалось ровно три дня, чтобы наладить между нами связь, пока я здесь учусь. Наверное, не стоит удивляться – он же, говорят, очень одаренный маг, восходящая звезда демонологии, и все такое. Но когда я пришла однажды домой и нашла его в моей комнате радостно копающимся во внутренностях моего ноутбука... Не то чтобы я удивилась, но именно в этот день мне нужно было готовить проект по английскому... А по закону подлости собрать ноутбук обратно нормально Дамиан не смог: он сделал это, кажется, три раза, и все время одна-две нужных детали или терялись, или оставались лишними. А на папином компьютере, конечно, не был загружен нужный мне словарь...

Ну так вот, возвращаясь к теме внешности. Дамиан меня расколдовал, и я теперь красавица. Папа еще как-то меня узнает, мама тоже, про Роз вообще молчу. Дамиан, естественно, в этом же списке. А остальные о-о-очень удивляются, если узнают, что я – это, хм, я. В связи с чем возникла проблема: в школе папиного мира меня вот уже девять лет помнят и знают жабой. И в такое шикарное преображение за одно лишь лето никто не поверит. Так что мама вместе с моей крестной посовещались и... Нет, не превратили меня обратно – не нужно так плохо думать о моих родственниках. Они только заставили меня снова *казаться* жабой. Всем, кто меня видит, и круглые сутки. Это теперь можно, раз проклятие Дамиан с меня снял. А еще вроде бы они запечатали мою магию, но я об этом ничего не знаю, потому что у меня ее и раньше не было (хотя мама с крестной уверены, что теперь, когда проклятие снято, я стану нормальной феей – а нормальные феи неплохо колдуют).

Так что когда Дамиан вот так задерживает на мне взгляд... Не знаю, мне становится... странно. Я не привыкла, чтобы мной любовались. Я также не привыкла за собой следить. И я честно не понимаю, чем там Дамиан восхищается: уродливой жабой или всклокоченной, невыспавшейся, растрепанной феей?

– Виола, ты меня не слушаешь.

– Нет, слушаю. Просто это так скучно...

– Стыдись, – усмехается Дамиан, – мне потребовалось десять минут, чтобы решить все твои задания, а ты не можешь справиться с ними уже второй день.

Ну, допустим, не второй, а первый. И не очень-то я стараюсь. Скука!

Но мне хочется позлить Дамиана – а незачем хвастаться! И еще очень хочется... хочется его коснуться. Взять за руку, провести пальцем по щеке, взъерошить волосы... Но этого я ему точно не скажу!

– Да, да, я в курсе, какой ты умный и замечательный... Ну не мое это, все эти тангенсы-котангенсы и прочее, не мое, понимаешь!

– Виола, если твой отец хочет...

– Папа меня тиранит, – вздыхаю я. И грустно смотрю на график: он снова похож на лягушку...

– Виола, возьми себя в руки! – Дамиан ловит мой взгляд и не отпускает. – Зачем ты ноешь, тебе это совершенно не идет...

Ответить я не успеваю.

– Это с кем ты разговариваешь? – раздается за спиной, и я поскорее выключаю планшет.

Можно не смотреть – я и так знаю, кто это. Раньше я бы и вовсе прикинулась спящей, а заодно глухой и невменяемой. Раньше мне казалось, что не огрызаться, не замечать подначки – самый правильный выход. Обидчики устанут, им надоест – и они уйдут.

Не уйдут. Серьезно – никогда не уходят. Я знаю, я была жабой шестнадцать лет.

Поэтому я поднимаю голову, оглядываюсь и широко улыбаюсь. Жаль, что все в классе уже привыкли к моей улыбке. А первое время ведь работало... Главное было – вытерпеть, пока они улюлюкать перестанут. А, и не вытащить у них что-нибудь из кармана длинным лягушачьим языком. Не то чтобы я страдала kleptomанией, просто люди обычно моего языка пугаются... Пугались. Феи – а я же теперь почти фея, – наверное, не едят комаров и не ловят мух... языком, да. Так что не доставать мне теперь у обидевших меня нехороших личностей всякие мелочи вроде фигурок героев аниме и комиксов, фишек с покемонами и ярких ручек. Признаюсь, ручки я оставляла себе. Особенно с пуховками сверху – они у нас в школе последний год были модными. Фурор произвела коллекция таких вот ручек, когда я на годовом экзамене по русскому разложила их на своей парте в ряд. Полагаю, полкласса узнали там свои любимые пуховки... И только учительница русского забрала свою.

– Что, Жаба, ботанишь? – хмыкает Большая Т, наклоняясь ко мне. Вообще-то ее зовут прозаично – Таня. Но она крупная, как тролль, пухлая, как булочка, и вечно недовольная, как русичка. И да, она гроза нашего класса. Ей даже парни дорогу не переходят – в разных они с ней весовых категориях. Большая Т – человек суровый и неразговорчивый. Она без разговоров сразу в нос дает. – Что, и у тебя этот бред не идет? – разочарованно сопит она. – Кто ж мне списать даст? – И вертит мою тетрадь, разглядывая график-лягушку.

– Кто б мне дал, – фыркаю я, но руку за тетрадь не тяну. Знакомый номер – а играть в лягушку-попрыгунью у меня сейчас нет настроения.

– Я тебе дам – мне Щенников обещал, – выдыхает Джулия (она всегда говорит с придыханием... когда не кричит, но кричит она нынче редко). И да, ее, естественно, зовут Юля. И до пятого класса она была максимум Юлька. Тощая, высокая, как жердь. Ловкая и умная – настолько, чтобы не учиться, но получать хорошие оценки. А потом в классе появился Он, и Юлька превратилась в Джулию – за какое-то лето. Стала волосы укладывать, носить открытые

блузки и короткие юбки, краситься и манерничать. *Он* плевать на Джулию хотел, но она не теряет надежды. До сих пор – хотя уже чего только не перепробовала. Вот, например, в походе прошлым летом... Ладно, это совсем другая история.

Большая Т с Джулией вместе всегда – они подруги с детства. По понятным причинам популярны в классе – их просто невозможно не заметить, а потом забыть. С их мнением считаются все, даже учителя. Даже тот самый *Он*, успешно проделавший путь от новенького до лидера класса... Впрочем, новеньким он был года четыре назад. Или уже пять?

Обычно около наших королев отирается парочка шестерок разного пола – но сейчас их что-то не видать. А, ну конечно, физрук же всех гоняет строевым шагом маршировать под музыку. Выпускную линейку репетируем. Наша директор решила начать пораньше, чтобы через год уж наверняка никто не споткнулся и с шага не сбился. Мы же одиннадцатый класс, никак свободы не дождемся – ну вот нам под конец школа и показывает, что она еще с нами может сделать. Например, заставить мерить шагами стадион под бодрый хор «Все мы маленькими были». Скука смертная – хуже, чем алгебру решать, вот я и сбежала.

Большая Т роняет мою тетрадь и с ленцой скользит по мне равнодушным взглядом. Я вскидываю брови:

– Что?

– Русский мне когда пришлешь? – фыркает она.

– После дождика в четверг, – Я забираю тетрадь и кидаю ее вместе с планшетом в сумку. – Чего вам?

– Смелая? – усмехается Т, а Джулия вдруг ловит меня за руку.

– Симпатичный браслетик. Где купила?

Ч-ч-черт!

– Отец из командировки привез, – вру я, вырывая руку, но Джулия держит крепко.

– Тебе он не идет.

– Тебе тоже не пойдет. – Мне наконец удастся освободить руку, и я быстро встаю, но отойти далеко не успеваю.

Джулия капризно требует:

– Та-а-ань, отними!

Большая Т морщится, закатывает глаза, но ловит меня и принимается грубо сдирать Дамианов браслет. Я даже не вырываюсь – бесполезно. Зато прокручиваю в голове все возможные моменты, когда Джулия может свалиться с ее ходулей, которые она обзывает шпильками, и потерять косметичку, куда она все отнятое складывает.

– Ай! – взвизгивает вдруг Большая Т и отшатывается. – Он током бьется! Ты почему мне не сказала? – И да, это она мне.

Я молча потираю руку, пока Джулия возмущенно тянет:

– Вот жабы пошли, уже браслеты на сигнализацию ставят...

Ждать, что они еще придумают, у меня нет никакого желания – я вешаю сумку на плечо и тащусь обратно в класс.

– Эй, тебя на вальс зовут! – кричит мне вслед Большая Т. – Только посмей снова не явиться! Я тебя опять три часа ждать не буду, поняла?!

Да ладно, прошлый раз всего-то полчаса меня все ждали. Подумаешь! И всего за полчаса ведь нашли – в лаборантской. Дамиан как раз объяснял, как сделать из жженого сахара живую змею...

– Интересно, кто тот бедняга, которому придется с ней танцевать? – усмехается Джулия.

– Да ей снова пары не найдется, – отзывается Большая Т.

– Ну еще бы, такой-то уродине... Эй, Жаба, а если браслетик отдашь, я тебе кого-нибудь взамен подыщу! Хочешь?

Я не оборачиваюсь, а Джулия, конечно же, смеется. На самом деле это действительно унижительно – сидеть на скамеечке в актовом зале, пока остальные будут романтично вальсировать... А и ладно! Буду алгебру делать... Или можно поглазеть на того несчастного, которому придется танцевать с Большой Т. Она тоже, мягко говоря, не красавица, но кавалера находит просто: шурится, гипнотизирует наших парней минуту, потом подходит, цапает за руку – и не отвертись. Никто даже не пытается.

На стадионе кто-то включил вместо слезливо-сладкого «Первоклашка-чебурашка» более подходящую всеобщему настроению «Достала родная школа!». Под нее оставшиеся «штрафниками» мальчишки (девочки убежали готовиться к танцам – переодеваться и брать искусственные цветы и жезлы: перед вальсом планируется танец муз) весело кривляются, имитируя строевой шаг. Физрук, ругаясь, пытается образумить стереосистему. К нему уже бежит настройщик на пару с завхозом, а я останавливаюсь у дорожки в школу и со стороны наблюдаю. Мне торопиться незачем: в музы я, по общему мнению, не гожусь, вальсировать, конечно, тоже не придется, а возвращаться к интегралам не хочется совершенно. О, может, Дамиан еще на связи? Я вытаскиваю планшет, жму на скайп, но тот ярко мигает рекламой и не хочет показывать моего принца. Жаль...

Хм, а может, в столовую зайти? За лето они, наверное, уже отошли от майского скандала, когда я мух в чай покидала. И совсем не моя вина, что половина этих мух не захлебнулась и не сварилась, а, освобожденная, полезла спасаться в носы комиссии из РОНО. Скандал вышел знатный, да... Пожалуй, от столовки я все-таки воздержусь.

Ладно, значит, танцы... Когда-нибудь я их, наверное, полюблю. Когда-нибудь, когда Дамиан додумается меня пригласить и закружит... Вот, как Савченко кружит сейчас Женю в коридоре. И да, они всем потом скажут, что просто репетировали, что они пара только в танце... и так далее. Но все же видно, и не только мне.

На скамейке в актовом зале я снова сижу одиноко (что-то меня на лирику потянуло), грызу карандаш, морщусь от громкой музыки... Зато две из пяти задач по алгебре все-таки сдаются. А тем временем тот самый *Он* в шутку придумал репетировать с девчонками подъем (или как это правильно называется, когда партнершу за талию в воздух поднимают?). У *Него* это более-менее изящно получается (хотя я вспоминаю, как Ромион делал так же со мной, и сразу перестаю завидовать). Девчонки визжат, парни их кружат – без музыки и учителей, но от этого только веселее. И уж точно свободнее. И все идет прекрасно, пока в очереди желающих быть поднятыми сильными руками *Его* не вырастает Большая Т. *Он* замирает, озадаченно глядя на нее, а Т скалится, и весь ее вид говорит: «Только попробуй меня проигнорировать».

Я снова возвращаюсь к задаче – ясно же, сейчас будет драка. Но нет, минут пять спустя раздается визг и гогот парней – это мальчишки вдесятером подняли Большую Т и раскачивают, а та визжит, как поросенок.

Им весело, с завистью думаю я. Им всегда весело, но стоит только мне подойти и, допустим, встать в ту же девичью очередь к *Нему*, как меня «тактично» не заметят. Между мной и классом – словно стеклянная стена, всегда была и всегда будет. Поэтому я очень хорошо понимаю Дамиана, которого точно так же травят в его школе. Только он всего лишь бастард, а я жаба, бельмо в глазу и учителей, и одноклассников – моего языка они все-таки боятся, а потому меня предпочитают не замечать. На учителях это, конечно, не срабатывает (они отлично вызывают меня к доске на самые сложные задания) – зато прекрасно работает на одноклассниках. А Дамиан еще удивлялся, почему я так комплекую из-за своей «жабости». Вот что бывает с уродливыми людьми – по крайней мере так я думала раньше. А сейчас мне кажется: вот что бывает с теми, кто отличается и не хочет прогибаться под остальных. Все равно я не стала бы такой, как Венька, наш главный ботаник. Он решает домашние за весь класс (исключая, естественно, меня) и бегаёт как собачонка за *Ним* и его компанией. Зато сейчас у него есть пара для вальса, а у меня нет.

Сделаем вид, что меня это не волнует.

Парни находят медленную музыку (вроде бы для танца муз), в шутку разбиваются на пары и принимаются сначала со смехом кружить друг друга, потом – девчонок. Я поскорее утыкаюсь в тетрадь – потому что да, мне завидно.

И под танец иксов с игреками временно перестаю замечать, что происходит вокруг, – а зря, потому что музыка не стихает, но смеха уже не слышно. Атмосфера вдруг из веселой становится удивленно-напряженной (что очень подходит моей математике). А когда надо мной вдруг нависает тень, я только сжимаю зубы. Ну чего, чего вам опять надо?

И тут мне на решение ложится рука ладонью вверх, и знакомый голос звенит по актовому залу, органично сплетаясь с музыкой:

– Моя леди удостоит меня танцем?

Я поднимаю голову, встречаюсь взглядом с Дамианом... И целое мгновение мне хочется закрыться от него алгеброй: «Нет, я занята».

Наверное, Дамиан это понимает, потому что сам берет меня за руку, сам поднимает со скамьи и ведет в центр зала мимо обалдевших одноклассников. А там, обняв и лишь мгновение прислушавшись к музыке, кружит, как я и мечтала...

Нет, я, конечно, хотела, чтобы он меня однажды пригласил, – но чтобы мои мечты исполнились так стремительно!..

Минуты не проходит, как нас уже снимают на камеры смартфонов, а я с опаской бросаю взгляд на одежду Дамиана. Уф, слава богу – уже не «чокнутый ролевик». На Дамиане черные джинсы и рубашка, и все это подозрительно напоминает его обычный наряд «брюки-и-сорочка». И на том спасибо.

Дамиан ловит мой взгляд, сверкает улыбкой, а потом еще и объявляет (точнее, добивает):

– Я решил не выделяться.

– Умница, – выдыхаю я, и больше ничего сказать не получается, потому что он явно еще и решил блеснуть своим искусством танцора: меня подбрасывают в воздух, потом ловят и кружат, снова кружат...

Когда мы танцевали с Ромионом на лебедином озере, я была красива, а Ромион – мастер музыки. С ним все эти пируэты наверняка выглядели (и уж точно чувствовались) естественно. Сейчас же... Боюсь подумать, как это выглядит сейчас. Знаете, наверное, как если бы большую лягушку в воздух подбросить. Она лапы растопырит, морда обалдевшая – а тут еще вспышки фотоаппаратов...

Где-то минуты через три я понимаю, что с меня хватит.

– Дамиан, довольно!

Он изумленно смотрит на меня, обезоруживающе улыбается и быстренько закругляет танец – конечно же, церемонным поклоном вкупе с поцелуем моей руки, которая всем кажется перепончатой лапой.

Тут и музыка как раз смолкает, и мы остаемся в полной, изумленной тишине: я в центре внимания одноклассников. В голове проносится мысль: ну ты же сама хотела, чтобы тебя заметили.

Дамиан шагает вперед, аккуратно задвигает меня за спину и улыбается моему классу – как улыбается непокорным демонам, мечущимся по пентаграмме.

– А ты вообще кто? – выдыхает один из «демонов», и я понимаю: пора сваливать. Срочно.

Дамиан хмыкает, всем видом показывая, как он тут выше всех – особенно всех мужского пола. У него получается: он и впрямь выше, а уж статью своей королевской... Блин, он сейчас ляпнет про королевство! Что-нибудь вроде «Я советник Его Величества, правителя Сиерны» (да, по демоническим вопросам; у Ромиона губа не дура).

– Я...

Я отчаянно зажимаю ему рот рукой, шипя: «Молчи!»

И тут кто-то из девочек интересуется (челюсти с пола подобрали, вот и интересуются):

– А тебе наша Жаба кто?

Ой, блин!..

Дамиан сдирает мою руку – очень настойчиво (наш борец за мое доброе имя бывает жутко сильным и безумно настойчивым), так что я понимаю: свалить уже не успеем, так пойду же забьюсь в какую-нибудь щель. Вот хоть под скамейку залезу.

– Виола моя возлюбленная...

Заткнись-заткнись-заткнись-заткнись!

– ...госпожа и...

Я хватаю свою сумку, расталкиваю обступивших Дамиана девчонок и толкаю его к выходу.

– Идем!

– Эй, Жаба, красивыми мальчиками делиться надо, – вырастает у порога Большая Т, а ее подружка уже подступает к Дамиану – как бы половчее на нем повиснуть.

Я же подумываю, как бы половчее Большую Т перепрыгнуть (забыв, что у меня сейчас одна видимость лягушачьих лап).

А Дамиан не придумывает ничего лучше, как развернуть меня к себе, прижать и – угу, вы правильно поняли – поцеловать.

Конечно, этот момент оказывается тоже запечатлен в памяти смартфонов.

Я стану звездой Ютюба?

Когда Дамиан меня наконец отпускает, я влепляю ему пощечину – гулкую и... ну, в общем, такую, как в фильмах, – а потом разворачиваюсь и бегу мимо удивленной Большой Т по коридору и дальше по лестнице – к выходу из школы. Все, сил моих больше нет!

– Виола! Виола, стой! – Дамиан догоняет меня уже за воротами. По тротуару шествуют молодые мамы с колясками – я торможу прямо перед ними.

Дамиан ловит меня за руку.

– Да что случилось? Что я опять не так сделал?

– Все!

– Виола, я только хотел, чтобы они не думали, будто ты не желанна, потому что ты самая, самая... – Его взгляд становится странным. Слишком испуганным. – Не бросай меня!

Тут до меня доходят сразу две вещи: Дамиан несет что-то уж совсем запредельное; и мамы, перестав толкать коляски, тоже нацелили на нас свои смартфоны.

– Любовь моя...

Я ловлю взгляд Дамиана – мутный, как... как у кавалеров моей сестры, когда она их целует.

Целует... Ах ты!..

– Пойдем! – Я хватаю Дамиана за руку и тащу к ближайшему скверу. А подумав – к скверу подальше, безлюдному в это время. Туда, где на нас никто не наткнется какое-то время.

Там Дамиан еще оправдывается немного, потом резко замолкает, изумленно смотрит прямо перед собой...

Я вытаскиваю из сумки бутылку воды и протягиваю ему.

– Поцелуй феи, – шепчет Дамиан, выпивая сразу половину.

– Вот именно. И больше так не делай, – огрызаюсь я.

Дамиан допивает воду, моргает и смотрит на меня – по-щенячьи робко. Мило. Он всегда со мной такой: очень нежный, очень аккуратный, обходительный, галантный и безумно боится меня обидеть. Не знаю, чем я это заслужила...

Не уверена, что мне это нравится...

– Виола, но я не понимаю. Почему ты меня остановила? Про тебя говорили такие ужасные вещи! Хочешь, я сниму с тебя этот флер, и все эти... ничтожества увидят, какая ты на самом деле красавица?

Неужели он сам не замечает, что это даже звучит глупо?

– Не хочу. Во-первых, это запрещено – в моем мире нет магии. Во-вторых, Дамиан, зачем? Ну увидят они красавицу под руку с прекрасным принцем. Ну позавидуют. И что?

Дамиан изгибает бровь и вздыхает. А потом неожиданно говорит:

– В такие моменты я жалею, что рядом нет Ромиона. Он бы нашел слова, чтобы тебя убедить. Он для всего слова находит. Виола, ты принцесса, тем более наследница королевства фей, к тебе нельзя относиться как...

Зря он так. И зря он про это – большая для меня тема с некоторых пор.

– Да это я в твоём мире принцесса и фея! А здесь я жаба – была, есть и буду! – вскрикиваю я. – Как ты не понимаешь? Ну пришел ты, ну потанцевал, поцеловал – жабу. И что, ты думаешь, это что-то изменит? Я всегда буду другая, странная, ненормальная – и знаешь, мне плевать! Меня это устраивает! Так что не лезь, больше никогда не лезь в мою жизнь!

Дамиан смотрит на меня – мгновение, что-то в его взгляде меняется.

– Мне уйти, Ваше Высочество?

Я ловлю этот изменившийся взгляд... И, больше не доверяя словам, хватаю его за руку. И обнимаю. Сама. Поколебавшись, Дамиан прижимает меня к себе крепче и невесомо целует в щеку. А потом тихо шепчет:

– Прости. Я думал, тебе понравится. Ты была такая несчастная... Я хотел как лучше.

– Я знаю. – Но все, о чем я могу думать: как странно мне в его объятиях. Как странно, что меня обнимает кто-то кроме сестры. Как странно, что я это позволяю. И какой хрупкой чувствую себя в этот момент, и – вот это действительно очень странно – мне это нравится.

Проходит мгновение, может, два, и наши губы снова встречаются – больше нет никакой обжигающей страсти, никто никому ничего не хочет доказывать, мы просто исследуем друг друга, и рука Дамиана скользит к моему воротнику, к пуговицам...

Я вздрагиваю, и он отстраняется. Потом недоуменно моргает. Раз. Еще.

И изумленно выдыхает:

– Ничего себе! Мощная штука...

– Что? – Я дышу так, как будто пробежала марафон и сейчас умру от разрыва сердца.

– Поцелуй феи, – все еще заторможенно отвечает Дамиан. – Я давно знаю, как защититься от суккубы, но даже тогда, в первый раз, с ней не было так мощно...

– С какой еще суккубой?

Дамиан, опомнившись, улыбается мне.

– Ты ее не знаешь.

– Да? А может, познакомишь?

– Ни в коем случае, – весело отвечает Дамиан и сует мне под нос кулек со смородиновым мармеладом.

На пару минут меня это действительно занимает.

– Виола, но я действительно не понимаю. – Дамиан знакомо дергает уголок рта. – Почему твой отец отдал тебя в эту школу? Он же тебя любит, а здесь вокруг одни... – Он ловит мой взгляд и беспомощно улыбается. – Ну признай, они же тебя недостойны. Если бы я не знал, что здесь не замешана магия, я бы решил, что их всех прокляли чем-нибудь вроде «зеркала»...

– Какого еще зеркала?

– Это такое вредное проклятие, когда человек становится своей противоположностью. Король Мантки лет двести назад применял его на своих заключенных... Так что история нашумевшая.

– Помогло?

– Нет, конечно. – Дамиан ловит мой взгляд. – Нельзя заклинять сознание человека. Поверь, наша история показывает, что ни к чему хорошему это еще ни разу не приводило. Все подобные заклинания запрещены.

А я представляю, как мужская половина нашего класса склоняется к моим лягушачьим лапам... Признаюсь, года три назад я всерьез думала попросить Роз или крестную заколдовать их так на денек. Или на месяц. После того как на День влюбленных абсолютно весь класс надо мной, хм, пошутил. Ребята думали, что если сыграть с уродиной в любовь и дружбу, а потом разом фарс прекратить, зазнайке-жабе, которая месяца два назад не дала им выиграть на викторине против другой школы, будет плохо. Да, на тех «Что? Где? Когда?» я действительно вела себя неспортивно и вызывающе, и да, наша команда проиграла по моей вине – и мне нисколько не было стыдно. Потому что я тогда была за правду – а если правда заключается в том, что я нужна своему милому дружному классу, только когда требуется ответить на сложные вопросы гуманитарного профиля... то мой милый и дружный класс может катиться к дьяволу со всеми остановками. Та, вторая школа тогда выиграла и потешалась над нами потом полгода, а одноклассники мне отомстили. Да и я дура, что повелась... Влюбилась впервые жаба в прекрасного принца. В роли жабы выступала, конечно, я. В роли принца – Славачев, он тогда был объектом поклонения всех девчонок нашего класса... И не только нашего. Я тоже на него заглядывалась, а тут крыша поехала окончательно. Мда. Больно было потом невыносимо. И еще уверена, именно после того случая к красивым парням я теперь отношусь настороженно. А Дамиану тот же Славачев и в подметки не годится... Не знаю, как сейчас – этот павлин ушел от нас после восьмого класса. И есть у меня подозрения, что без небольшого заклинания моей крестной ведьмы тогда не обошлось.

– Не такие уж они плохие. – Я бросаю кулек из-под мармелада в урну и гипнотизирую собственную руку. Спустя пару мгновений сквозь зеленую кожу и перепонки проглядывает аккуратная кисть с узкими длинными пальчиками и розовыми ноготками – такая же чужая для меня, как и лягушачья кожа. – Мои одноклассники. Seriously, если разобраться – они совершенно обычные. Просто меня не понимают, вот и все. Да и зачем им?

Дамиан, наверное, замечает мой взгляд и быстро берет меня за руку.

– Виола, я же слышал, что о тебе говорили те девушки. Я знаю таких, как они. Та, что красива, уверена, что мир должен упасть к ее ногам. – Да, у Дамиана в голове свои тараканы. – А вторая... полагаю, может просто на него наступить – и мир под нее прогнется. Так она считает.

Я тихо смеюсь в ответ. Забавно: я не доверяю красивым парням, Дамиан считает каждую красивую девушку высокомерной зазнайкой. Как мы умудряемся быть вместе?

– Дамиан... – Я сжимаю его руку. Это... просто приятно. И сам факт этой «приятности» до сих пор меня удивляет. – Ты не прав.

Дамиан недоверчиво усмехается.

– Я серьезно. Вот, например, Юля. Она, конечно, красива, но очень не уверена в себе. Да, так тоже бывает: она влюблена, но ее любовь на нее даже не смотрит. А еще она не может сказать «нет» маме, которая хочет, чтобы она закончила учебу в музыкалке, хотя самой Юле ее скрипка надоела до зубного скрежета. Плюс она очень боится остаться одна – оказаться на моем месте, например. И при этом понимает, что она уже одна. Одиночество для нее – как сладкая булочка с ядом, и хочется, и колется. Вот наша красавица и мстит всем на свете за то, что ее не понимают, оставили одну, бросили... Ха, там такая буря бушует внутри Юльки! Девочка-оторва, которая всех на свете боится и оттого «зажигает» еще сильнее. Честно, мне ее жаль. Ну а вторая, Таня, – некрасивая, учится плохо, мечтает похудеть, похорошеть, оказаться в сказке со своим принцем на белоснежном коне, но также прекрасно понимает, что принцы на дороге не валяются. Она такая же, как я, – только кулаки у нее тяжелее и проклятие никто не снимет.

– Нет, не такая, – качает головой Дамиан. – Ты никогда не будешь вести себя как они. Ты не будешь издеваться над теми, кто отличается. Кто ниже тебя.

– А ниже меня никого нет, – улыбаюсь я. – Seriously, если бы я задалась целью расписать, какой у меня класс – сборище неудачников, это заняло бы очень долгое время... Ты не думал так же о своем?

Дамиан ловит мой взгляд и искренне говорит:

– Нет. Никогда. Я восхищен твоим сочувствием и проникательностью, моя принцесса, – и, поднеся мою руку к губам, нежно целует.

Я смеюсь, но руку не отнимаю. Черт возьми, это приятно.

– Проницательностью? Скажешь тоже! Думаешь, я сама до всего этого додумалась? Это Виллинда, моя ведьма-крестная, мне рассказала, когда я ей что-то наподобие твоего ляпнула. Дескать, вокруг одни злодеи, прямо деваться от них некуда. Вот она и разложила весь мой класс по полочкам. Правда, некоторые личности на одну полку не уместились...

– Виола? – перебивает меня Дамиан. – Можно, я тебя поцелую?

Я сама тянусь к нему в ответ, а потом шепчу:

– Даю тебе свое высочайшее позволение целовать меня, когда вздумается.

Дамиан странно смотрит на меня и снова целует. В щеку.

На следующий день я решаю все задачи по алгебре правильно и получаю высший балл. А еще – очень забавно наблюдать за девочками, шушукающимися в своих «группировках» – не дает им покоя мой Дамиан. Впервые моя стеклянная стена отчужденности делает хоть что-то хорошее. Вот бы пришлось сейчас отвечать на все их бесконечные вопросы! И что бы я сказала? «Да, это мой принц из другого мира»? Ничего-ничего, пусть мучаются.

А неделю спустя по дороге к метро меня неожиданно ловит *Он*. Угу, мечта женской половины нашего класса (с уходом Славачева) – Артур Эйрен. Да, его предки, кажется, были немцами, а мама, видимо, любила английские сказки. Девочки обожают проходиться по его имени – король Артур, то, се... А я однажды прочитала, что «Артур» с кельтского переводится как «медведь». Смешно было – что-то от медведя в Артуре действительно есть. Например, фигура. Настоящий мачо, издалека видно, ошибиться невозможно.

Ну так вот, ловит меня Артур (для этого ему пришлось забежать вперед и встать у меня на пути, потому что останавливаться я упорно не желала), заглядывает в глаза и неожиданно говорит:

– Виола, погоди. Скажи...

– О, ты знаешь мое имя? – улыбаюсь я. – А что сказать? Отчество? Или фамилией обойдешься?

Артур морщится и смотрит на меня так, будто это я вечно все порчу (положа руку на сердце, в половине случаев он не так уж и не прав).

– Скажи, до твоего друга можно как-нибудь дозвониться? У тебя наверняка есть его телефон. Или «мыло». Дашь мне?

Я удивленно замираю.

– Какого друга?

– Ну, – Артур морщится еще сильнее, – того, со странным именем.

И чья бы корова по поводу имени мычала?

– У меня нет друзей со странными именами.

– Может, тогда передашь ему, чтобы пришел сегодня как обычно? – кричит мне вслед Артур. – Очень надо!

– Тебе надо, ты и...

Но *Он* меня перебивает:

– Вспомнил! Дамиан. Передай, что он нам очень нужен. Виола, ну хоть раз помоги, а? Нас эти пушкинцы без него в порошок сотрут...

Пушкинцы – это он про ту школу, которая наш конкурент. Чего-то там имени Пушкина. Только при чем тут Дамиан?

– погоди, – перебиваю я. – Ты что, знаешь Дамиана? И давно?

Артур кивает:

– Мы с ним уже три игры выиграли, а сегодня...

– Игры? Ты что, про футбол?

– Ну да. – К метро мы идем теперь вместе, и всю дорогу Артур развлекает меня рассказом, как Дамиан явился не то бить моим одноклассникам морды, не то промывать мозги, но дело было на тренировке и – неожиданно – футбол оказался интереснее, а Дамиан (цитируя Артура) «просто во-о-о!».

Во. В метро я подключаюсь к бесплатному вай-фаю (незачем тратить свой, если есть бесплатный, правильно?) и набираю Дамиану мгновенное сообщение: «Тебя ждут. Футбол. Сегодня. Как обычно и где обычно. Ты задолжал мне объяснение».

– А, так у него скайп есть, – воодушевляется Артур. – Вот я дурак, надо было давно взять.

«Ну попробуй», – думаю я, а вслух интересуюсь, где и когда будет сегодня игра. А то у меня тоже проснулась тяга к футболу. Резко.

Артур удивляется, но говорит.

Да, обычно я на такие мероприятия не ходок. На трибунах вечно сидят раскрашенные в «боевой режим» девчонки, машут плакатами и визжат, точно резаные. Но посмотреть на Дамиана в этом окружении – не-е-е, такое я не пропущу.

Так что через два часа с ведром попкорна я оказываюсь на стадионе и пытаюсь разобраться в правилах. Футбол оказывается сложнее, чем я думала, там, выходит, тоже есть какая-то стратегия, но все, что я вижу: счастливого Дамиана в погоне за мячом. Времени на попкорн, конечно, не остается: я снимаю всю игру на смартфон и думаю, что если обработать – классный фильм получится. Буду показывать всему сказочному королевству, когда Дамиан – ну вдруг? – станет Темным Властелином. Такой няшка в шортиках! Ха, у него еще и на футболке выведено «I'll be back» и кошачья лапа с растопыренными пальцами. М-м-м, это так мило!

После игры – наши, естественно выиграли – Дамиан буквально выдирается из объятий поклонниц, счастливо машет мне и уже бежит по привычке проводить, как дорогу ему заступает недружелюбно настроенная троица из класса проигравших. Недружелюбием от них просто веет, можно было даже так не плевать и кулаки не сжимать. Я бросаю взгляд в сторону раздевалок: Артур со товарищи уже спешат на помощь, им наперерез, естественно, несутся «побитые» (пока еще только в переносном смысле) пушкинцы. Ясно, что при таком раскладе грядет драка, Дамиана снова побьют, и он уже не расскажет мне сегодня, как ему в голову пришло заняться футболом.

Ну уж нет. Я поудобнее перехватываю свою дамскую сумочку, в которой, по моему скромному мнению, скрывается целая вселенная. И, неспортивно подкравшись к самому высокому из «недружелюбных», с размаху опускаю эту «вселенную» ему на голову. Получается неожиданно гулко и с характерным треском (кажется, это из моей косметички). Зато, пока парни не опомнились, я успеваю схватить Дамиана за руку и потащить за собой к выходу со стадиона.

– Виола! – возмущается Дамиан, когда приходит в себя. – Подожди, я с ними еще не закончил!

«Недружелюбные» кричат что-то похожее.

– Закончил, закончил! – Я упрямо тащу его к воротам.

Но, увы, не закончили с нами.

– Ты глянь, красавец и чудовище! – заявляет кто-то из догнавших нас пушкинцев. И, не церемонясь: – Детка, отойди, мы твоего парня бить будем. Смотри, тебя тоже задеть можем.

Дамиан порывается ответить – сразу кулаками, но я толкаю его на себя, а в лицо говорящему распыляю перцовый спрей (всегда наготове в моей «вселенной», полезная вещь).

Больше нас уже никто не останавливает – там и без нас дико весело. Зато Дамиан возмущается всю дорогу.

– Виола! Почему ты не дала мне с ними разобраться? Ты что, думаешь, я слабее их? Мальчишки...

– Нет, я всего лишь хотела, чтобы ты вернул меня, живую и здоровую, к папе.

– Ты думаешь, я бы дал им хоть пальцем тебя...

– Нет, но потом мне пришлось бы идти домой одной. Дамиан, не увиливай: ты задолжал мне объяснение. С каких пор ты пристрастился к футболу?

Дамиан надувается, бурчит что-то вроде: «Я их все равно еще побью», и я начинаю понимать, с чьей подачи в его семье вечные драки с Ромионом.

– Ты сказала, что у тебя в классе учатся нормальные люди. Я понял, что не могу возразить, поскольку я их не знаю, и решил лично проверить.

– Проверил?

– Да.

– И как?

– Нормальные.

Некоторое время мы идем молча. Дамиан выглядит задумчивым, у меня же слишком много невысказанных реплик, и большая их часть может запросто испортить этот вечер. Лучше уж промолчать.

– Виола, в твоём мировоззрении плохих людей нет совсем? – говорит вдруг Дамиан.

Я удивленно смотрю на него. Солнце садится, бросая косые алые лучи и удлиняя тени. Дамиан в этом неверном свете кажется взрослее, чем на самом деле. Серьезнее. Не хватает черной мантии, меча в ножнах на поясе и какого-нибудь шрама на щеке, чтобы получился Темный Властелин (в моем представлении).

– Есть, наверное. Не знаю. Я не встречала, – наконец отделиваюсь я уклончивым ответом. – А что?

– Ты пожалела мою мачеху. И ты так рассуждаешь... – Дамиан хмурится, убирает со лба отросшую челку, и мое сердце подпрыгивает. Черт возьми, какой же он красивый! – Просто иногда ты мне кажешься совсем ребенком, а иногда говоришь как Ромион. Это странно. Только знаешь, Ромион бы никогда никого жалеть не стал.

– Да ты его просто мало знаешь!

– Своего-то брата, – усмехается Дамиан. – Знаю, и получше, чем ты. Я помню, что ты его любишь, Виола. И не буду оскорблять его при тебе. – Он качает головой, когда я по привычке пытаюсь возразить. – Мне просто иногда... иногда очень хочется тебя спросить...

– О чем?

Дамиан сжимает кулаки и молчит, но я жду, и он все-таки решается:

– Со мной ты тоже из жалости?

– Чего?! Да как... как тебе в голову пришло!

Но Дамиан продолжает внимательно смотреть на меня. Мда. Похоже, наступило время для признания. Очередного.

Господи, когда его самооценка поднимется хотя бы на мой уровень?

– Дамиан, я же говорила, что я тебя... что ты мне нравишься. – Куцо как-то получилось. Может, еще раз попробовать? – В смысле...

Но Дамиан берет меня за руку, сжимает пальцы и улыбается – грустно так, что у меня сердце удар пропускает.

– Не надо. Не надо, Виола. Просто... Знай, что я все равно всегда буду с тобой рядом – пока не прогонишь, конечно.

– А, – усмехаюсь я. – То есть ты меня сейчас специально злишь? Чтобы прогнала? Так вот – не дождешься! Я свою настоящую любовь так просто не отпущу!

Дамиан в ответ только улыбается и снова целует мою руку. Но я вижу, все еще вижу в его глазах – глубоко-глубоко, но оно там есть – недоверие.

Знать бы еще, как его переубедить? И... почему это простое «я тебя люблю», оказывается, так сложно сказать?

Дома, в своей комнате, я долго и пристально смотрю в зеркало. Мне все еще странно видеть в нем красавицу – сквозь флер, конечно. Да, раньше после полуночи я тоже становилась красивой. Да, после лягушачьей кожи эта красота ослепляла. Но и вполночь не так, как сейчас.

Я трогаю золотистые длинные пряди – они волнами струятся по спине, плечам и высокой груди, очерчивают тонкую талию и крутые бедра, и дальше – к ногам, длинным и стройным, словно у балерины. Распущенные волосы достают до пола – с непривычки я уже раз сто запутывалась в них, просыпаясь, или садилась, подстилая под себя вместо диванной подушки. Жидкое золото – и отрастают мгновенно, стоит их немного подровнять. Хотя чего там, они и так ровные. Но я бы хотела покороче...

А еще глаза – не мои, чужие, темно-синие, при определенном освещении даже фиолетовые. Не мои губы, совершенные и изгибом, и розово-алым цветом. Черты лица: идеально-ровный нос такого размера, словно его рассчитывал скульптор – и не раз, а как минимум сто. Острые скулы, ямочки на щеках, и кожа – лепесток розы.

Девушка в отражении прекрасна каждой черточкой – но это не я. Точнее, я – но где-то там, в глубине чудесных фиолетовых глаз. Глубоко-глубоко. Мне странно признаться, но я уже тоскую по своей жабьей внешности – ведь зеркала даже здесь, в моем родном мире, даже сквозь дымку флера всегда показывают меня настоящую. Красавицу. И это настолько не похоже на мое восприятие себя, что хочется кричать – но даже кричит эта красавица иначе. И голос у нее другой. Другое все.

Забавно: меня расколдовали, а я чувствую себя проклятой сильнее, чем когда-либо.

Закрыв глаза, я представляю рядом с этой красавицей Дамиана, и у меня екает сердце – от ревности.

– Что, принцесса, красота не принесла тебе счастья?

Я открываю глаза и стремительно оборачиваюсь. Это странно – не такие чувства должен вызывать бесцеремонно развалившийся у меня на постели юноша, – но да, я чувствую облегчение.

– Габи! Сколько лет, сколько зим!

– Ровно месяц, принцесса. Прикройтесь. – Мне на руки падает бархатный темный плащ, пахнущий апельсином. Фыркнув, я игнорирую его и тянусь за снятым было халатом. Кто знает, кому этот плащ принадлежал раньше?

– Габриэль, я тебе, конечно, рада, но можно ты в следующий раз постучишься и спросишь разрешения войти?

Сногшибательный брюнет у меня на кровати поворачивается на бок, улыбается и становится очень похож на огромного кота. Того, Чеширского.

– Я демон, принцесса. Мне положено возникать из ниоткуда.

– Протестую. Ты можешь возникнуть из ниоткуда, спросив разрешения.

Габриэль тихо смеется. Но смех быстро замерзает у него на губах, и взгляд становится тоже морозный, а еще почему-то требовательный.

– Ты изменилась, принцесса. Я чувствую.

– Да. Я стала настоящей принцессой, и мне это не нравится. Подвинься.

Я падаю на кровать рядом с ним и пихаю демона руками и ногами к стене. Полагаю, раньше с Габриэлем так не обращались, потому что какое-то время (все-таки отодвинувшись) он выглядит ошеломленным.

– Тебе следовало бы быть осторожнее в присутствии высшего демона, принцесса.

– А то что? Сваришь меня на обед? Габи, я тебя не боюсь. Тебя – нет. Так что не стоит строить из себя... что ты там обычно строишь.

Он приподнимается на локте и нависает надо мной – гротескная тень, одни глаза сверкают в тяжелых сумерках.

– Нет, не боишься. Мне это нравится. Но другая тень лежит на твоём сердце, принцесса. Какая?

– Что, этого твой рентген не показывает? – ворчу я. Психоаналитик доморощенный...

Закрываю глаза и неожиданно говорю... Просто... просто давно хотелось с кем-нибудь нормально поговорить. С кем-нибудь, кто бы меня понял. А Роз сейчас так далеко и так занята...

– Я боюсь. Боюсь становиться феей, – получается жалко и по-детски, но Габриэль молча смотрит на меня, и я продолжаю: – Наследницей. Боюсь, что в Зачарованных Садах мне качественно промывают мозги и я стану как мама. Боюсь оставаться одна в том, ну, вашем мире – он, конечно, сказочный и абсурдный, но я видела, беда там может случиться вполне настоящая. А еще я боюсь своего отражения, потому что мне все время кажется, что это какая-то другая девица на меня смотрит из зеркала и надо мной смеется. И папу я боюсь одного оставлять – если со мной что-нибудь случится, он же правда один останется. Боюсь... Видишь, сколько всего я боюсь?

– Да, – тянет Габриэль. – Взрослеть страшно.

– Да что ты об этом знаешь! – нервно смеюсь я. – Тебе сколько лет, демон? Сто? Тысяча?

– Демоны меняются так же, как и люди, – возражает Габриэль. – А твои страхи – детские, принцесса. Не того тебе нужно бояться.

– Да? А чего? Тебя?

Все-таки с Роз разговаривать легче. Она хотя бы пытается утешить... Ха, да она мастер утешения!

– Ты не хочешь быть феей. А ведьмой? – неожиданно спрашивает Габриэль.

– Ведьмой? Нет! Я хочу быть человеком!

Демон с усмешкой качает головой:

– Ты не рождена человеком. Фея или ведьма. Выбирай.

– Бред!

Габриэль усмехается, и рядом со мной падает книга – толстый фолиант в переплете из крашеной черной кожи. Ни тебе названия, ни автора – только серой от корешка тянет. Прямым из Преисподней?

– Твой страх здесь, принцесса. Отнесись к нему серьезно. Это совет высшего демона, им не стоит пренебре...

– А-а-а! Габи! Да ради всего святого! Я поняла, что ты крут, ты можешь просто сказать, что там у вас в сказочных королевствах надвигается?

Но демон только тонко улыбается в ответ:

– Просто – это скучно, принцесса. Почитай умную книгу. Тебе полезно.

Я бросаю в него подушкой, но он исчезает, и подушка падает на пол, заодно сбив гору учебников физики и химии для завтрашних контрольных. Вздохнув – ну не уроки же делать, в самом деле! – я тянусь к черной книге.

«Откуда есть пошли Темные Властелины», – гласит надпись на первой странице, вся в ало-черных завитушках, а буквы подозрительно намекают на подсохшую кровь.

– Па-а-а! А где у нас антисептик? – кричу я.

Через полчаса антисептический гель оказывается найден среди папиных рубашек, вылит на книгу – та несколько теряет товарный вид и становится уже не такой зловещей. Полагаю, примерно как труп в море вместо, скажем, трупа, вылезшего из открытой могилы. Труп бак-

терий, которых наверняка несла в себе кровь таинственного писаря. Seriously, это ведь еще не доказано, что сумасшествие через кровь не передается, да? А кто еще будет так писать? Только чокнутый.

Ну что там дальше?

А дальше на меня пялится шикарный в своем кошмарном величии дракон с припиской «Слуга Темного Властелина». Я тянусь за телефоном и запечатлеваю слугу на камеру. Моему Инстаграму пригодится.

К полуночи я узнаю, что не каждый повелитель становится истинно Темным и не всякий усмирит своего дракона, и тэ дэ и тэ пэ, а мой аккаунт в Инстаграме получает шквал новых лайков и «даешь еще тех готических картинок»! Надеюсь, таинственный оформитель книги не против легкого нарушения копирайта?

Был бы против, подписался бы, наверное, да? А то имя художника я долго искала...

Ночью мне снится Дамиан верхом на укрощенном драконе, позирующий мне на камеру. Мы делаем селфи, а потом лихо летим завоевывать еще и Фейсбук, а то у меня там лайков вообще ноль.

Кажется, какой-то не такой реакции ожидал от меня Габриэль в ответ на свою готическую книгу...

Дамиан на нее тоже реагирует странно. Вместо «О, где взяла, дашь почитать?» он бормочет что-то про гримуары и «Некроминикон» и пытается при мне (и у меня же в комнате) ее сжечь. Но, как известно, рукописи не горят – рукопись Габриэля только смеется злодейским потусторонним смехом и пышет дымом. Я поливаю ее, а заодно и Дамиана водой, оба шипят и долго потом сушатся – в разных углах моей комнаты.

Дамиан советует книгу не читать, ибо это какой-то жуткий сборник историй о Темных Властелинах с рейтингом «18+». Конечно, после такой рекламы я зачитываю книгу до дыр тем же вечером, но ничего интересного не нахожу. Ну да, сказки. Ну да, все заканчиваются плохо. Но по-моему, автору стоило бы вдохновиться некоторыми нашими сериалами, потому что там и градус страха, и насилия (я уж молчу про рейтинг, ну, который «18+») гораздо выше, чем в этих их Астралах.

Надо подождать Габриэля, пусть он объяснит, чего мне действительно стоит бояться. Может, он намекает, что Дамиан превратится в одного из описанных Властелинов? Но это вроде бы даже забавно...

Над этим предположением мы смеемся с Дамианом вместе, а потом он горячо убеждает меня, что ни-ни, и вообще творить зло направо и налево ему совершенно не хочется. Я знаю – это совсем не его стиль. Хотя не отказываю себе в удовольствии пошутить, что если понадобится юная девственница – слезы там, кровь или еще чего добыть, – то я вся в его распоряжении. Дамиан при этом так смотрит, что я начинаю подозревать: кажется, зря я предложила...

Но это на самом деле смешно!

А через пару дней на одной из «тренировок» выпускного вальса мне совершенно неожиданно находится пара. Оказывается, подбитые (боюсь, что местами в прямом смысле) благодарным Артуром (видали, что футбол с людьми делает!) парни договорились взять меня в оборот и меняться, танцуя со мной по очереди. Первым вызвался, естественно, предложивший – Артур. Очень удивился, что я умею танцевать (да уж, этот медведь мне три раза на ноги наступил!). Мы проболтали с ним всю репетицию, а Дамиан, оказывается, все это время за нами подсматривал и потом попытался устроить мне сцену ревности.

На самом деле Дамиан меня последнее время тревожит все сильнее. Он то кидается ко мне с признаниями любви и вечной верности, то говорит, что я терплю его из жалости. Еще обзывает меня «Вашим Высочеством». Пока что эта дурь вытрясается из его головы подушкой и – чего уж там – поцелуем. После поцелуя Дамиан становится примерно как моя сестра после розовой пылицы. Надо спросить маму, можно ли что-нибудь с этим сделать, а то мне бы в

будущем не хотелось, чтобы мой парень зависал минут на пять с улыбкой дебила, когда я решу его поцеловать.

Ладно, завтра уже отправляюсь на тот свет. В смысле, во вторую школу. Габриэль заранее прислал тамошние учебники – похоже, демон взял надо мной шефство и кайфует от этого. Садист. Еще и комментарии на полях оставил, но я их еще не читала. Мне тут своих уроков хватает.

Уф, поскорее бы уже сбежать отсюда – в смысле, сменить обстановку. А то, чувствую, зажмут меня скоро одноклассницы в углу и потребуют дать адрес и нарисовать маршрут до места, где водятся такие, как Дамиан.

Еще и папа в командировку как раз собрался – почти на месяц...

Однозначно пора на тот свет.

Глава 2, *где меня отправляют туда, не знаю куда, за тем, не знаю чем*

На том свете меня никто не ждет.

Да, мама вызвала на два дня раньше – в начале выходных, а не в конце, как договаривались. Но могла бы хоть карету прислать, а не просто портал бросить!

В итоге стою я перед домом Роз, где жила все время, пока притворялась моей сестрой. Стою, смотрю на здоровенный замок на воротах, на табличку «Продано с аукциона». И такая тоска в мою душу вползает! Черная. Аж разбить что-нибудь хочется.

Куда б податься? В принципе смутно, но я помню дорогу до королевских садов, а оттуда и до дворца недалеко. Но! До садов в прошлый раз мы летели на драконе, платил Дамиан, а сейчас у меня по закону подлости в кармане ни копейки. В кармане пижамы, между прочим, – я же не знала, что портал выбросит меня посреди улицы. А стоило догадаться: если мама портал открывает – жди беды. Феи легкомысленные существа... Неужели и я такой же стану?

В общем, стою я, как... не очень умная женщина, перед закрытыми воротами, в белой пижаме с голубыми слониками, переминаюсь с ноги на ногу в розовых тапочках с помпонами, прижимаю к груди любимого плюшевого мишку, с которым сплю... И прямо хочется мне что-нибудь разбить, ну очень хочется!

Ладно, дворец отпадает. Куда еще? Вроде бы здесь до главного столичного театра недалеко. Что скажет низложенная мной королева Изабелла, если я явлюсь к ней с медведем под мышкой и в розовых тапочках? Не то чтобы она меня и в бальном платье бы хорошо приняла... Да еще и в семь утра. Мама у меня тоже придерживается принципа, что кто рано встает – тому все блага мира?

Хм. А куда еще?.. О, я знаю – к Дамиану. Дорогу до школы смутно, но помню. Идти, правда, долго. Зато Дамиан точно проснется. Вот кто мне будет рад в любое время дня и ночи, да?

Ну вот и проверим.

Это получается забавное путешествие. Улицы сказочного королевства рано утром отнюдь не так пусты, как можно подумать. Ну казалось бы – куда тут все спешат в выходной день, да еще и спозаранку? Ан нет – мимо меня дважды (туда и обратно) проезжают по очереди булочник, молочник, зеленщик и мальчишки с листовками (ха, король Ромион занялся агитками?). Меня пытаются позвать к гадалке (ну точно же девица в пижаме сбежала из дома из-за несчастной любви!), меня приглашают работать моделью скульптор, уличный художник (и не один) и даже женатая пара – вышивальщица с портным (тут я слегка настораживаюсь). Спустя час о моем появлении, кажется, знает уже весь город (особенно если учесть, что я сворачиваю не туда и попадаю на рынок – уже открывшийся). Меня угощают горячей булочкой с карамелью и стаканом лимонада. У доброго булочника сразу прибавляется покупателей – юные подмастерья, лакеи и праздно шатающиеся с похмелья или от несчастной любви аристократы наперегонки кидаются покупать мне булочки, крендельки и мороженое (да, мороженщику тоже перепадает). О моем появлении складывают уличную песню, которую скандируют мальчишки – разносчики пирожков (пока я прячусь от толпы поклонников под чьим-то прилавком).

Кажется, папа был прав насчет паранджи.

В общем, в школу я являюсь во главе громадной толпы мужчин, которые спешат накормить меня завтраком, обедом и ужином сразу, подарить цветы, предложить сводить «туда, где ты еще не была», организовать для меня бал и сшить, а потом и купить лучшее платье в мире. И да, если бы эти энтузиасты выстроились в очередь и говорили не хором, я была бы, может,

и польщена. А так мне пришлось удирать от них с тапочками и медведем под мышкой, пока эта толпа ненормальных неслась за мной до самого мужского общежития (которое я каким-то чудом все-таки нашла). Еще и поют песню о моей сногшибательной красоте (вот и сшиблись бы с ног, в самом деле!).

Так что да, мое появление получается очень эффектным.

– Не впускайте их! – кричу я сонному юноше в синей пижаме – единственному обитателю холла в восемь утра.

Юноша пожимает плечами и щелкает пальцами. Барабанившая в дверь и окна толпа затихает, как выключенная. Еще мгновение длится эта ненормальная тишина – а потом все расходится, словно резко вспомнили про неотложные дела и – слава богу – напрочь забыли про меня.

– Ух ты, – выдыхаю я, глядя им вслед. – Круто. Как ты это сделал?

Юноша зеваает, запускает руку в и так всклокоченную темную шевелюру.

– А я этот... ну... менталист.

– Да? – Я с опаской отступаю к двери. Менталист – это в смысле без мыла залезет в мою голову, прочтет мысли и пошлет к черту?

– Ага. – Парень равнодушно скользит взглядом мимо меня, шарит руками по ближайшему подоконнику. – А ты... – выуживает и надевает толстенные очки, – кто?

И поднимает на меня взгляд.

Я прямо вижу, как у него в глазах начинают плясать сердечки. Это, конечно, блики на стеклах очков, но мне становится очень не по себе. Еще сильнее, чем когда он сказал про менталиста.

– Ну, спасибо тебе, и все такое. Я, пожалуй, пойду.

– А-а-а... в-в-в... – блеет бедняга и краснеет до ушей и дальше. – Д-д-да...

Мне его жаль. И я делаю большую ошибку: хлопаю его по плечу и желаю:

– Ну, в общем, хорошего утра.

Ошибка, потому что, спохватившись, этот горе-влюбленный бежит за мной.

– П-п-постойте! А в-в-вы... Феям нельзя!

Я уже поднимаюсь по лестнице, пытаюсь вспомнить, как попасть в комнату Дамиана. Вроде бы она далеко от холла. Налево потом по коридору или направо? И какой этаж?

– П-подождите! Нельзя! Феям нельзя!

– Чего нельзя? – оборачиваюсь я, и парень в очках моментально снижает обороты.

– Н-н-нельзя... Это м-м-мужское общежитие. А хотите... хотите, я вас в женское п-п-провожу? Вы, наверное, з-з-заблудились...

– Не хочу. Лучше скажите, господин менталист, как мне пройти в комнату Дамиана?

– К-кого?

– Дамиана. – Я очень стараюсь не казаться грубой. Надо привыкать, я же теперь фея... – Он брат короля Сиерны...

– Демонолога! – выпаливает несчастный менталист. И бледнеет.

– Да нет, Ромион вроде не демонолог...

Но парень не слушает. Он хватается меня за руку, потом отпускает, словно обжегся. Смотрит взволнованно:

– Вам нельзя к нему, госпожа, это опасно. Дамиан...

– ...мой друг. – Я отворачиваюсь и наугад выбираю коридор. Пойду налево, терять-то уже нечего.

– Но, госпожа, – торопится за мной менталист, – поймите, это вам сейчас кажется, что вам нужно... А на самом деле, – задыхается он, а я торопливо заглядываю во все комнаты, где дверь открывается: библиотека, гостиная, еще гостиная, учебная... – А на самом деле он вас призвал и... Госпожа! А если вы девственница?!

Я резко оборачиваюсь и одариваю беднягу таким взглядом, что он снова заливается краской. Но увы, не умолкает.

– Госпожа, да послушайте! Нет, туда нельзя! Это жилые комнаты!

– И мне нужна комната Дамиана. Послушай... те. Мне нужна помощь, или я правда буду ломиться в каждую дверь.

Какое там! Менталист задыхается от волнения, но помогать не собирается, а я снова собираю толпу – невыспавшихся магов на этот раз, которые прожигают меня взглядами, вываливаясь из-за открывшихся на стук дверей. Всклопоченные, кто-то с мишками, как и я, кто-то с деревянным мечом наперевес, с дубиной, с плакатом «Не беспокоить!», с комплектом расчесок, с кинжалом, с жезлом, с котом...

– Не он, не он, не он, – говорю я, переходя от двери к двери. Да сколько ж народу учиться в этой школе? Странно, а я раньше только наш класс видела...

«Не я?» – отражается на лице каждого всклопоченного и заспанного. Но никто не возражает – стоит им только бросить взгляд на меня (тоже, кстати, всклопоченную и помятую), их как будто переключивает... ну, помните – сердечки.

В общем, я снова собираю толпу, которая готова показать мне общежитие, школу – да хоть всю столицу, но только не комнату Дамиана.

Гомон стоит такой, что мне кажется, я потихоньку схожу с ума. И уже прикидываю, куда же мне отсюда бежать, когда в коридоре слева что-то взрывается. И наступает относительная тишина.

Относительная, потому что в ней на толпу проснувшихся парней бросаются духи. Парни уже привычно их зачаровывают, меня пытаются затоптать, отодвигают подальше, к стене... когда над всем этим бедламом взлетает громкий недовольный голос:

– Я же просил... – и дальше нецензурное. Потом снова: – Просил дать мне поспать!

Волна юных волшебников колышется передо мной, и гам стихает.

– Кто заступил черту? – требует между тем голос, в котором я с трудом, но узнаю Дамиана. – Кто, я спрашиваю?!

И все эти менталисты, природники, стихийники (и кто там еще?) отступают от несчастного коридора, обтекая меня, являя темную фигуру (в прямом смысле темную: Дамиан, оказывается, спит во всем черном), в ауре холодной ярости надвигающуюся на нас.

Потом кто-то хватается за руку, пытается увести вместе со всеми, но я вырываюсь и, работая локтями, пробираюсь к этой жуткой фигуре, окруженной духами, точно темно-фиолетовым облаком.

– Ты что? С ума сошла? Вернись! – шепчут мне и пытаются снова схватить, вернуть в испуганное людское «море», но я оказываюсь быстрее.

Дамиан тем временем решает всех простить, но с условием: он требует человека с третьей группой крови для эксперимента, а еще «добудьте мне черную крысу, и я, так и быть, вернусь в комнату».

– Господа, не заставляйте меня вспоминать, у кого тут эта демонова третья кровь! Или мне снова вызывать архи...

– У меня! У меня вторая группа, но я же сгожусь! – кричу я, вырываясь-таки вперед. – Привет, Дамиан!

Толпа за моей спиной замирает.

Дамиан тоже замирает. А потом меняется на глазах: демонов как не бывало, яростной ауры тоже. Пижаму он перекрасить, конечно, не успевает, но сам весь розовеет, ярко улыбается...

– Виола!

Толпа обреченно ахает, когда Дамиан обнимает меня за плечи и, зардевшись (я целую его в щеку), торопливо говорит:

– Виола, ты замерзла, пойдем ко мне, тебе надо переодеться... Э-э-э, то есть нет, ко мне не пойдем, у меня там, ну...

– Что, девственница? – в шутку интересуюсь я, оборачиваясь и подмигивая изумленным зрителям.

– Нет, суккуба...

– Что? Суккуба?! – Да, я уже успела прочитать классификацию демонов и запомнила, что суккуба – это секс-демон для мужчин. – Где?!

Эпопея «ворвись в каждую спальню, которая на глаза попадется» продолжается – с той только разницей, что позади теперь не движется огромной гусеницей толпа разбуженных парней, а всего лишь мечется один демонолог-гот, который тут, кажется, гроза всей общаги.

– Виола, ты все не так поняла! Она мне нужна... Ну, для эксперимента! – А сам пассы какие-то делает и меня за руку схватить пытается. – Виола, ну пойдем, я тебя завтраком накормлю, твои любимые булочки со смородиновым конфитюром! Или шоколадом. Хочешь с шоколадом?

Я мрачно распахиваю третью дверь, с порога натыкаюсь на пентаграмму, в центре которой еще возлежит нечто порочно-роскошное, увенчанное изящными рожками, а через пару мгновений остается только лифчик со стразами да запах дорогих духов вместе с затихающим вдали: «Еще увидимся, милый».

– Милый? – Я наклоняюсь, подбираю лифчик (ха, у меня нынче грудь больше!) и выпрямляюсь. – Милый?!

– Виола, – щенячьим взглядом смотрит на меня оробевший Дамиан. – Ты правда все не так поняла. Я только... я...

– Меня месяц не было, а ты в Астрале развлекался? – Да, признаюсь, я не столько зла, сколько взгляды благодарной публики меня вдохновляют. – С этим? – размахиваюсь лифчиком. – И с девственницами?!

– Виола... – Дамиан отступает, и толпа перед ним расступается, образуя коридор – перед ним и мной. – Виола, ты не думай... Я никогда... Я не...

– Угу. Я не думаю. Но лифчиком я тебя все-таки профилактически отстегаю. Чтобы запомнил.

– Виола!

Но я уже размахиваюсь, и гроза общежития, демонолог, ужас и будущий Темный Властелин бежит прочь от взбесившейся феи-девственницы. Думаю, это войдет в местные байки. А может, даже песню споют. А то и не одну.

Заканчивается все, впрочем, как всегда, прозаично.

– Дорогу королю! Его Величество идет! Дорогу! – Меня сгребает за шкуру какой-то громила-стражник, Дамиан разворачивается и бросается меня спасать, я по инерции еще размахиваю лифчиком... Попадаю прямо по макушке Ромиону (а что, он же мелкий).

Ничтоже сумняшеся, Ромион вырывает у меня деталь суккубиного гардероба. Рассматривает, хмыкает. Делает стражнику знак меня отпустить, поворачивается к брату:

– Я же говорил, она узнает.

Дамиан заливается краской и бормочет: «Виола, это не то, что ты думаешь», – а Ромион тем временем снимает плащ, встав на цыпочки, укутывает им меня (плащ оказывается мне чуть ниже колен) и вежливо улыбается.

– Ваше Высочество, прошу в мою карету, – и уже Дамиану: – Брат, приведи себя в порядок. Я жду тебя не раньше чем через два часа.

Дамиан встречается со мной взглядом, я корчу рожицу и киваю, мол, все нормально, потом поговорим.

– Прошу, Ваше Высочество, – подталкивает меня к дверце Ромион. И уже внутри: – Здравствуй, Виола. Не могла бы ты в следующий раз появиться менее эффектно? – Карета

трогается, меня вжимает в мягкое сиденье, а Ромион продолжает: – Мне пришлось отменить завтрак с эльфийским посланцем, потому что, цитирую капитана моей стражи: «Какая-то сумасшедшая фея носится по городу и зачаровывает честных жителей розовым медведем». – Он замолкает на мгновение, хмурится, глядя, как я усаживаю медведя на подушку рядом с собой. Вздыхает и тянется к нему. – Виола, у тебя совесть есть? Приносить магические артефакты из другого мира...

– Не тронь Самсона! – Я прижимаю медведя к себе. – Он невиновен! И вообще, никакой он не артефакт, а мой единственный плюшевый друг. И любит меня – в отличие от тебя, Твое Величество.

Ромион одаривает Самсона таким красноречивым взглядом, что я поскорее прижимаю голову медведя к своему боку.

– Самсон, никто нас здесь не любит!..

– О звезды, Виола, прекрати! – вздыхает Ромион. – Лучше расскажи, как так получилось, что ты разгуливаешь по улицам моей столицы в непотребном виде? Даже Дамиан после своих экспериментов на такое не способен.

Я вздыхаю еще горше.

– Нормальная у меня пижама. Тебе слоники не нравятся?.. Ромион, мне-то откуда знать? Спроси мою маму, почему она с утра пораньше портал прислала и не предупредила, что следует хотя бы нормально одеться? Я думала, окажусь в моей старой спальне... Кстати, а что там с моим домом? В смысле, с домом Роз?

Ромион хмуро глядит на меня. Недоволен, вечно он всем недоволен!

– Поскольку выяснилось, что король Кремании этот особняк никогда не покупал, а счет за его обслуживание приходит в *мое* казначейство благодаря моей дорогой и, к несчастью, все еще живой мачехе... Виола, дешевле будет тебе жить во дворце.

– То есть дешевле? А если... если я не хочу жить во дворце? Ромион, тебе что, для меня дом жалко? После всего, что я сделала?.. Ромион, ты знаешь, что жадность с людьми творит?

– Я знаю, что творит расточительство короля с его подданными. Особенно бедными подданными, – парирует Ромион, хмурясь еще сильнее. – Виола, ты не могла бы перестать это делать?

– А что я делаю?

– Зачаровываешь меня. И с каждой минутой все сильнее. – Ромион действительно выглядит так, будто ему приходится сейчас бежать вместо лошадей. Даже капелька пота по виску стекает. – Пожалуйста, прекрати. Это низко – выпрашивать у меня обратно тот особняк таким способом.

– Выпрашивать? – ахаю я. – Да я ничего не делаю! Ромион, думать обо мне так – вот это низко! Послушай, я не знаю, что происходит, но я тебя не зачаровываю, я и колдовать-то толком не умею!

– А... ясно, – выдыхает минуту спустя Ромион и с видимым усилием отрывает взгляд от меня. – Королева, твоя мать, не показала тебе, как держать свою магию под контролем?

– Нет... А зачем? Какая магия, Ромион, я же правда ничего не делаю!

– Я сегодня же выскажу официальную ноту протеста Садам, – бормочет Ромион. – Виола, умоляю, отвернись. Звезды, как мой брат это терпит?..

Так мы и едем до дворца в мертвой тишине, старательно глядя в разные стороны. И атмосфера в карете такая, что стоит не так вздохнуть, как между нами заискрит. Все-таки Ромион неисправим...

У парадного подъезда – того самого, где нас всего-то месяц назад встречали сиернские придворные, ужасаясь моему уродству и сочувствуя Ромиону, наша карета останавливается, Ромион приказывает (именно приказывает – королевский титул на него плохо влияет) мне оставаться в карете и громко требует к себе придворного мага.

Придворный маг еще молод – для мага, я имею в виду. Или я просто жертва стереотипа, что придворные маги все, как Мерлин, старики? Этому волшебнику на вид лет тридцать, и все равно очень забавно выглядит, когда он кланяется маленькому юному Ромиону и взволнованно интересуется, что происходит.

– Сделай с ней что-нибудь! – вместо ответа выдыхает Ромион, неприлично указывая на меня пальцем.

Маг встречается со мной взглядом и бледнеет, как будто я не девушка, а какой-то... волколак! И только что съела его бабушку.

– Ваше Величество, может быть, вы просто вывезете ее за пределы Сиерны...

Я давлюсь воздухом. Этот колдун что, только что вежливо предложил Ромиону выкинуть меня за границу его страны?

Ромион вздыхает еще горше.

– Я не могу, это наследница Зачарованных Садов, – «а то бы выкинул» невысказанное повисает в воздухе.

– Да я сама уйду! – обиженно восклицаю я и, подхватив мишку, пытаюсь выбраться из кареты, но Ромион с магом встают в проходе грудью.

– Виола, не смей!

– Ваше Высочество, подождите, прошу вас... Минутку... Еще немного. – Колдун чарует, я с подозрением за ним слежу... Но в лягушку вроде не превращаюсь. Зато Ромион вдруг выдыхает, как будто снял с себя всю тяжесть мира.

– Звезды...

– Я запечатал... Ее Высочество... – задыхаясь, как после пробежки, говорит придворный маг.

– Надолго? – с надеждой интересуется Ромион, но маг качает головой:

– Часа на три, не больше.

– Я сейчас же вызываю королеву Садов! – бледнеет Ромион.

– Эй, а может, мне кто-нибудь объяснит, что происходит?

Но Ромион себе не изменяет. Он торопливо отдает приказы, сдает меня с рук на руки армии горничных, которые несут меня в то, что здесь называется «гостевыми апартаментами», а по сути – дом в доме, в смысле, во дворце. Одна купальня чего стоит!

Где-то на периферии маячит придворный маг, но больше никаких мужчин – только горничные. Уносят моего Самсона, снимают с меня пижаму, облачают в утреннее платье, пытаются прибрать мои волосы... И когда терпеть это у меня сил больше нет, дурдом наконец прекращается – с приходом мамы.

Она всплывает в купальню, точно на облаке – из летних терпких ароматов. Розой всегда пахнет моя сестра, фиалкой, если верить Дамиану, – я, а вот мама – это всегда цветочная смесь, терпкая и требовательная. В детстве я представляла, что это золотая пыльца вокруг мамы – облако. И до сих пор мне так кажется – неудивительно, ведь мама теперь носит все золотое. Я не знаю названия ткани, из которой сшито ее платье, но это что-то цветочное. В смысле, если взять лепесток той же розы и приложить к маминому платью да покрасить в золотой, будет не отличить от той ткани.

Всегда красивая, моя миниатюрная мама теперь держит себя как истинная королева. Горничные перед ней расступаются, приседая в реверансах, словно заранее знали, что королева фей придет навестить дочь.

Я же смотрю на нее и вижу, что теперь, когда проклятие снято, я действительно очень на нее похожа. Волосы, фигура – возможно, у всех фей такие. Но вот черты лица – мы кажемся сестрами теперь, точно так же, как когда-то мама с бабушкой казались сестрами мне. Просто одна чуть-чуть старше – видно по взгляду. Мудрее, быть может?

Это было лет десять назад. Интересно посмотреть на бабушку сейчас... Ха. Сдается мне, скоро так и так ее увижу.

Мама прогоняет служанок и сама принимается за мной ухаживать... Дамиан как-то заметил, что я странно говорю о матери – о крестной ведьме и то теплее. Ему есть чему удивляться – у него, рассказывают, была нормальная, обычная мать. А я уже лет десять знаю: моя мама – наследница (а теперь и вовсе королева) и титул важнее, чем дочь. Дочери. Так или иначе, меня никогда это не удивляло: сложно удивляться обычаям фей, побывав в их Садах. Я и не удивляюсь – ни тому, что мама все-таки бросила папу, и даже ни тому, что отца Роз она точно так же бросила, как и саму Роз. Для фей это нормально: наследница обязана родить дочь... И забрать ее, когда та вырастет достаточно, чтобы ее магия пробудилась. Обычно это происходит в двенадцать, но я была проклята, а Роз так и осталась феей лишь наполовину. Это я тоже приняла как данность: хоть Роз и казалась мне истинной феей, до уровня мамы она никогда не дотягивала. Не такая красивая и без... всего этого. Флера. Пыльцы. Всего, что делает фею феей. Не знаю, мне пока сложно это объяснить, но я уже чувствую.

Сейчас, выходит, мое время пришло – этого я и боялась, когда говорила Габриэлю: я была в Садах и знаю, что там могут сделать с человеком. Со мной. Я не фея в душе, мне будет сложно. Наверное, мама это тоже чувствует: она долго стоит за моей спиной, глядя через мое плечо в зеркало. У нее тоже темно-синие, почти фиолетовые глаза, но взгляд сейчас грустный. Она знает, что меня ждет. Она сама через это прошла.

Я же говорила, что сказка сказкой – а жить в этом мире... Не знаю, может быть, принцессой это было бы замечательно. Но не постоянно, не всегда. И не феей. Не мне.

– Я научу тебя, как дать понять мужчинам, чтобы они тебя не тревожили, – говорит мама наконец. Она не говорит: «Я научу тебя, как стать незаметной». Или: «Как вернуть все, как было прежде». Мы обе знаем, что это невозможно.

Мама маленькая, меньше меня. Может быть, даже меньше Ромиона. И ее голос – он не человеческий, он тоньше. Нотки этого «нечеловеческого» я слышу последний месяц и у себя, когда говорю.

– Было бы проще, если бы твой отец дал увезти тебя, когда тебе исполнилось шесть.

Да, как раз тогда, когда я уяснила, что уродлива днем. И побывала в Зачарованных Садах – один-единственный раз. Меня там жалели. А если бы мама правда увезла меня тогда от папы навсегда – я бы стала парией среди фей. Одно дело терпеть неуклюжую уродину неделю, ну, две. Но годы? Легкомысленные феи столько ждать не могут.

Мама оглядывает приготовленные для меня платья и морщится. Протягивает руку – и ей на ладонь падает такая же «цветочная» ткань, из которой сделано ее платье.

– Фиалка, – глядя на меня, говорит мама. – Фиалка всегда будет твоим счастливым цветком. Повернись.

Ткань окутывает, превращаясь в громадную перевернутую фиалку. Пять темно-синих, под цвет моих глаз, лепестков расходятся от бедер, а лиф украшают все те же фиалки, только темнее и с ребристыми, точно рюш, краями.

– Хорошо, – решает мама. – Но вот еще...

«Еще» венок из фиалок ложится на мою голову – просто, но изысканно. Маленькая корона.

А я только малодушно радуюсь, что эти цветы молчат. Но Роз как-то говорила, что фиалки вообще неразговорчивы...

– Никому не позволяй заплетать тебе волосы, – предупреждает мама. – Они должны быть распущены. Так ты сильнее.

– Но они же мешаются...

– Потерпишь.

Моя мама, королева, легкомысленно относится к моим жалобам давным-давно. Наверное, ей так проще. Так проще и мне: до недавнего времени она совсем не лезла в мою жизнь.

Но я всегда знаю, если мне действительно, по-настоящему нужна будет помощь, мама сделает все, чтобы помочь. А еще – на самом деле под этим флером, и легкомыслием, и забывчивостью (она давно уже не поздравляет меня с днем рождения и с Новым годом тоже) мама все та же прекрасная, милая женщина-видение из моих детских снов, певшая мне колыбельную. Просто – незнакомка. Как и я для нее.

– Миледи... – Ромион, видно, решил, что раз с эльфийским посланцем завтрак не задался, так стоит наверстать его с королевой фей. Во всяком случае, нас ждет накрытый стол в столовой через три комнаты от купальни. Богато и изысканно: золото, тончайший фарфор, серебро и хрусталь... – Позвольте пригласить вас...

Они все-таки с мамой одного роста, с усмешкой замечаю я, садясь за стол. Ох, да что ж это – Ромион превзошел себя: он не только раздает нам обоим комплименты, он еще и приказал положить по десять вилок вокруг наших тарелок. Зачем? Даже отец Роз подобным излишеством не страдает...

Но мама, конечно, знает, как и когда пользоваться каждым прибором – чего не скажешь обо мне. Понятия не имею, кто как, а я все еще чувствую себя как красивая дылда, нарядившаяся в цветок. В общем, не в своей тарелке.

Хорошо хоть в разговоре участвовать не приходится: мама с Ромионом обсуждают какой-то экспорт, отчего мама нехорошо щурится, а Ромион краснеет, но продолжает любезничать. Я же гоняю по тарелке листик салата... Пока эта идиллия не разбивается с грохотом – от открывшейся двери.

Все еще слегка помятый, с перевязанными запястьями, в комнату влетает (именно так) Дамиан.

– Полдворца вас найти не мог!

Ромион тут же встает, делая Дамиану знаки вести себя прилично.

– Ваше Величество, могу я представить моего брата?..

Дамиан кланяется, не отрывая восторженного взгляда от меня. Я облегченно улыбаюсь. Вот кто меня спасет!..

– Конечно, я знаю человека, расколдовавшего мою Виолу, – сдержанно говорит мама, подавая Дамиану руку для поцелуя.

– Мам, – начинаю я, – вообще-то мы с Дамианом любим друг друга и... – «и ты могла бы быть с ним потеплее», но этого я сказать не успеваю.

– Помолчи, Виола.

Я обиженно замолкаю, а Дамиан – ура! – садится рядом со мной. И тут же шепчет:

– Виола, ты прекрасна!

– Я тут чуть не умерла от скуки, – шепчу я в ответ. – Слушай, сколько обычно длятся эти завтраки? Я хочу отсюда сбежать. – Тут Ромион больно пинает меня под столом, и я понимаю, что еще чуть-чуть придется потерпеть.

Дамиан вздыхает, но тут же снова улыбается.

– Виола, насчет той суккубы...

– А, успокойся, все я понимаю, – тоже улыбаюсь я. – Весело же было, нет? Кстати, что там с кровью? Мне кажется, твои... ну, остальные в этой общаге тебя боятся. Ты уже не первый раз...

– Виола.

Я поднимаю взгляд на маму.

– Я только что говорила Его Величеству, что эти апартаменты прекрасны.

– Я ему тоже кое-что скажу, когда ты уйдешь, – бурчу я, но так, что Ромион слышит. И снова пинается.

– Виола, – шурится мама, – я также сказала, что твой портал должен был открыться в Ниммерии, а вовсе не здесь.

– Это где? – Да, с картой этого мира у меня до сих пор проблемы.

– Зачем в Ниммерии? – в унисон мне спрашивает Дамиан, получает свою порцию «того взгляда» от мамы. И от брата тоже – дотянуться до него ногой Ромион не может.

Мама изящно отставляет кубок с нетронутым вином и смотрит только на меня.

– Ты должна мне помочь.

Хм, как-то не так я представляла тот момент, когда мама попросит меня о помощи... Хорошо, я никак этот момент не представляла. Он невозможен.

– Ты уже доказала, что можешь работать со смертельными проклятиями. – Мама взглядом показывает на Ромиона. – Теперь я хочу убедиться, что ты также можешь выполнять роль доброй волшебницы.

Я тоже на всякий случай отставляю в сторону бокал с соком. Поперхнуться сейчас будет... невежливо.

– Кого?

– Виола, ты, конечно, знаешь, чем занимаются феи, – ледяным голосом говорит мама, пронзая меня взглядом.

– Откуда? – фыркаю я. – Я думала, вы с цветка на цветок летаете.

– Целый день? – Невероятно, но мамин голос стал еще холоднее.

– Именно.

– Ваше Величество, – неожиданно приходит мне на помощь Ромион, – но роль доброй волшебницы ведь исполняют только рабочие феи.

Рабочие... феи? Такие действительно существуют?

А потом я вспоминаю фей из «Спящей красавицы», и у меня появляется неприятное подозрение... Мне же не нужно ехать на крестины? Нет? Не нужно? Ненавижу младенцев!

Мама, тем временем ответив Ромиону, что феи работают все – независимо от титула, снова смотрит на меня.

– Виола, ты должна помочь принцу Ниммерии.

Ромион хмыкает, а Дамиан замирает, крепко сжимая рукоять ножа.

– И как я должна ему помочь?

Мама пожимает плечами:

– В этом и испытание. Фея всегда знает сама, как помочь. Это наша работа.

– Мама...

– Дочь!

– Ваше Величество, давайте я покажу вам наши сады! Уверен, они вам понравятся! – объявляет Ромион, вставая.

– Благодарю, – холодно откликается мама. – Вы посмотрите их сами. И прихватите с собой, пожалуйста, вашего брата. Я должна поговорить с Виолой. Если это возможно, наедине.

Ромион краснеет, но за плечо выдергивает Дамиана из-за стола.

– Мама! – выдыхаю я. – Это же мои друзья, как ты можешь!..

– Виола, веди себя прилично!

– А ты... – Но я ловлю взгляд Ромиона, и он советует мне заткнуться. Неожиданно даже для самой себя я так и поступаю. Но внутри все горит от возмущения!

Мама словно ничего не замечает. Или замечает, но ее это не заботит? За Ромионом и Дамианом закрывается дверь, а мама спокойно пробует сладкие карамельные шарики с разноцветной обсыпкой и жмурится от удовольствия. А я машинально отмечаю, что действительно все феи любят сладкое в той или иной степени. Наверное, поэтому на столе столько разновидностей десерта. Ромион хочет задобрить королеву фей.

– Виола, этот мальчик, Дамиан...

- Что? – слишком резко спрашиваю я, но мама будто не замечает моей злости.
- Ты любишь его?
- Да!
- Жаль.

Я ошеломленно смотрю на нее, а мама изящно накалывает на десертную вилочку очередной карамельный шарик.

- Темный Властелин не пара фее. Тем более фее королевских кровей.

– Да идите вы со своей кровью в... – На этот раз мы с мамой встречаемся взглядом. Я была права: все она замечала, просто успешно делала вид, что ничего не происходит. Маска. Кукла.

Я не хочу такой быть!

- Виола...

- Я его люблю. Он любит меня. Что еще нужно?

Мама смеется в ответ – так обидно, что меня аж перекашивает. В сердцах я отбрасываю вилку, она звенит по тарелке... А мама неожиданно оказывается рядом – ее руки на моих плечах, ее губы у моего уха.

– Фиалочка моя, я знаю, что ты сейчас думаешь. Не надо, не смотри на меня так. Я все-все знаю. Меня тоже увезли прочь из места, которое я считала домом. Потом мне не дали выйти замуж по любви – и знаешь, я была этому рада, потому что любовь любовью, но все прошло, а быть королевой лучше, чем третьей по счету принцессой. Разве нет?

- Мам, о чем ты?..

– Виола, цветочек мой, я скажу тебе только один раз: я всегда тебе помогу, ты это знаешь. Но если этот твой мальчик разобьет тебе сердце, я буду бессильна его склеить. И да, я знаю, что тебе сейчас плохо, ты запуталась и боишься Садов, которые уже давно должны были стать твоим домом. И еще я знаю, что ничего не могу сделать, чтобы тебе было легче: ты уже взрослая девочка и сама должна справиться. Понимаешь?

- Понимаю, мамочка. Я с шести лет взрослая, – едко добавляю я.

Мама поворачивает мою голову за подбородок, заставляет смотреть себе в глаза.

– Поймешь. Я только прошу: води себя прилично. Тебе же будет хуже, если ты испортишь себе репутацию – как это сделала твоя сестра.

- Мам, Роз – еще и твоя дочь!..

– Да, поэтому ей я тоже помогу. И ее супругу. Но это не значит, что я одобряю ее поведение и выбор.

– А мне плевать, одобряешь ли ты *мой* выбор. – Я повожу плечом, и мамины руки падают, отпускают меня.

- Виола...

- Не хочу быть такой, как ты! – бросаю я и гордо оставляю маму одну.

Мне стыдно, капельку, но стыдно. Я сорвалась, не сдержалась: не стоило говорить с мамой так резко. Но и ей не стоило... Раз уж я взрослая, пусть не вмешивается!

Ага, а когда она будет нужна – то да, пусть вмешается, тогда можно. Какое-то двуличие получается.

Самой противно.

Ни садов, ни Ромиона с Дамианом я не нахожу – зато меня вдруг находит придворный маг. Видимо, ему тоже нечего делать, раз он вдруг решает устроить мне экскурсию по дворцу. И ведь устраивает, с подробной историей каждого встречного портрета. Я украдкой зеваю от скуки, по большей части пропуская его монотонный голос мимо ушей. И кажется, мы оба радуемся, когда на очередной галерее встречаем Ромиона, и тот подает мне руку, кивая магу, чтобы исчез. Тот и исчезает – торопливо, правда, не в клубах дыма и даже не растворяясь в воздухе. Просто сбегает. Но и ладно, и так сойдет.

- Пойдем, хоть тебя отведу в сад, – вздыхает Ромион.
- Что, мама и тебе настроение испортила?
- Ромион усмехается, но молчит.
- Что ей от меня хоть надо?
- После обеда ты отправишься порталом в Ниммерию, в лавку цветочной торговли, представишься... чьей-нибудь дочерью – придумаешь. А там сориентируешься по ситуации, – монотонно, как до этого его маг, объясняет Ромион.
- Класс! – хмыкаю я. – Пойди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю что.
- Ромион через силу улыбается:
- Виола, но твоя мать права: феи действительно инстинктивно знают, что...
- Ромион, посмотри на меня и скажи: ну какая из меня фея?
- Ромион действительно окидывает меня внимательным взглядом и честно отвечает:
- Как из меня демонолог. Ладно, если хочешь, я напишу в Ниммерию...
- Сама справлюсь, – бурчу я. И тут же спохватываюсь: – Но спасибо. И извини за то, что там утром случилось. Я ничего не поняла...
- С порталом? Никто не понял. Королева...
- Нет, я про толпу мужчин, которые почему-то решили признаться мне в любви.
- Ромион наконец-то улыбается.
- Виола, ты фея... Это нормально. Это твои чары, королева сейчас их скрыла, но это временно. И... привыкай. Ты сильная фея.
- Прелесть. А ты помнишь, я же жабой была. Месяц назад.
- Ромион смотрит на меня, наклонив голову набок.
- Звезды, какое счастье, что я на тебе не женился.
- В смысле?!
- Ты была бы ужасной королевой, Виола. Не знаю, чего хочет твоя уважаемая мать, но если она ждет от тебя покорности, то...
- ...долго будет ждать, – заканчиваю я, и мы смеемся.
- Ромион подводит меня к смутно знакомой беседке – а не тут ли он признавался, что обвел меня вокруг пальца с любовью и волшебным поцелуем?..
- Виола, на самом деле я хотел поговорить с тобой о другом.
- Дай угадаю. О Дамиане? – усмехаюсь я, садясь на скамейку. Ромион усаживается напротив – мы же собеседники, а не любовники. А не так давно он в похожей беседке сидел рядом, сжимал мою руку и говорил, что я удивительна...
- А потом сказал, что все это была ложь.
- И после этого я все еще его не возненавидела.
- Наверное, роль доброй волшебницы и впрямь мне подойдет.
- Да, о нем. Как ты узнала? – сконфуженно смеется Ромион.
- А о ком же еще? Единственный раз, когда ты хотел со мной о чем-то серьезно поговорить, разговор шел о Дамиане. Исключая тот момент, когда ты признался, что вскружил мне голову из чисто практических целей.
- И я извинился, – напоминает Ромион. – Виола, я серьезно. Дамиан меня беспокоит. И раз уж ты пока здесь – я специально отправил его в Астрал, чтобы мы с тобой могли спокойно поговорить.
- Угу. А потом он снова закатит мне сцену ревности.
- Ромион хмурится:
- Ты тоже это заметила? Он стал нервный последнее время. Жалуется мне на всех подряд. На меня тоже жалуется. На тебя. Говорит, что ты его не любишь.
- Что, прямо так и говорит?

– Прямо так – когда я напоил его зельем правды. Я верю этому зелью, Виола, я сам его готовил. Дамиан хороший демонолог, но не зельевар. И я считаю, что проблема в тебе.

– А я-то тут при чем? Я тоже зелья варить не умею.

– Виола, ты меня отлично понимаешь. В чем дело? Почему ты не вышла за Дамиана на церемонии, месяц назад? Мы с ним все обговорили, и ты должна была...

– Ничего я не должна! Вы обговорили, устроили фарс, а потом жалуетесь, что я играю не по правилам? Девушку нельзя насильно тащить под венец, Ромион. А если уж тащишь, не удивляйся, что она скажет «нет» в неподходящий момент.

Ромион поднимает бровь – недоверчиво:

– Но ты же его любишь. Ты же любишь моего брата – в чем тогда дело?

– Люблю. Но это же не повод выходить замуж. – Ромион смеется, и я строю ему рожицу. – Ромион, мне еще нет семнадцати. В моем мире я еще даже не совершеннолетняя. Замуж? И не смейся!

– Тогда поговори с Дамианом и объясни ему это. Мой брат сомневается – а когда он сомневается, он становится... неприятным.

– А тебе же нужен хороший слуга, – передразниваю я.

– Мне нужен здоровый брат. Ну и здоровое королевство бы не помешало, – с улыбкой добавляет Ромион. – Знаешь, несчастный демонолог способен на многое.

– Угу... Слушай, а вот с высоты своего опыта общения с женщинами, – Ромион начинает ехидно улыбаться, но я продолжаю: – скажи, почему Дамиан ведет себя со мной... так? И для справки: я пыталась спросить его об этом, но он не понял.

– Я тоже не понял, – веселится Ромион. – Так – как?

– Как будто я хрустальная. И обязательно разобьюсь, если он вовремя не подставит мне плечо. Нет, меня это устраивает, но я все-таки взрослая, самостоятельная...

– У вас там все такие? – перебивает Ромион.

– Что?

– У вас, в твоём мире, все девчонки такие? Взрослые и самостоятельные.

– Ну... большинство.

– Кошмар.

– Ромион!

Он смеется, потом смотрит на меня и качает головой:

– Виола... радуйся. Да, мой брат может перегнуть палку, но он любит тебя, ему прости-тельно.

– Да, но даже ты, когда ухаживал за мной...

– Виола, маленькая поправка: я тебя не любил. А Дамиан любит. Он умеет любить, и, как видишь, у него это очень... самозабвенно получается. К тому же наш отец вел себя так же. С его матерью, конечно. С матерью Дамиана. А она, знаешь, тоже была не хрустальная: пастушки хрустальными не бывают в отличие от принцесс. Это моя мать постоянно падала в обморок, а мать Дамиана норовила встретить короля хворостиной. Никакого воспитания. Как и у тебя.

– Угу. То есть это все нормально... – Я пропускаю оскорбление мимо ушей. Это же Ромион, в конце концов. Он всегда такой.

– Смотря что считать нормальным, – пожимает плечами Ромион. – Но, Виола, давай решим этот вопрос раз и навсегда. Если ты моего брата обидишь – я буду мстить.

– Чего? Это ты на что... на что намекаешь?

– Ты сегодня с этой суккубой только дурачилась. Но Дамиан, если ты полюбишь другого, сойдет с ума. Мне не нужен сошедший с ума демонолог. Поэтому разберись в себе поскорее и выйди за моего брата замуж, как порядочная принц...

– Да ты!.. Да с чего ты взял!.. А может, я буду любить его вечно?!

Ромион смотрит на меня с таким скептицизмом, что... Ах да, он же считает, что вечной любви не бывает, а его брат – злостное исключение.

– Виола... Ты фея. Ты не можешь любить вечно.

В ответ я кидаю в него диванной подушкой. А заслужил.

После обеда меня снова заставляют переодеться – на этот раз очень просто, в коричневое мешковатое платье, да еще и черный жесткий плащ сверху. И отправляют порталом в эту самую Ниммерию.

Разницы я вот так сразу и не замечаю – но как по мне, половина этих сказочных королевств похожи друг на друга как две капли воды. Или я просто не приглядываюсь?

Портал на этот раз открывается удобно – цветочная лавка появляется за поворотом. Я вхожу, вижу торговку, встречаюсь с ней взглядом... Усталая женщина лет сорока улыбается мне в ответ и просит помочь с вазоном.

В общем, часа два мы просто работаем, изредка прерываясь на не очень частых покупателей. И только потом женщина интересуется, кто я.

Я перевожу дух – тоже устала. А цветочница тем временем предполагает:

– Ты, наверное, работы пришла просить, да, девочка? Тебя родители отправили?

– Ага. Мама. Послала так, что попробуй не пойдешь, – хмуро отзываюсь я.

– А кто ты, девочка? – снова интересуется цветочница.

– Я, госпожа, фея, – честно отвечаю я. – А отправила меня мама, она же королева фей. Рассказывайте, какая у вас проблема – мне сказали по ситуации сориентироваться.

Цветочница изумленно смотрит на меня, а потом смеется.

Еще через час мне удастся убедить ее, что я правда фея (цветы под моим прикосновением оживают) и я действительно здесь, чтобы помочь. Тогда цветочница жалуется: оказывается, у нее украли дочь. И не кто-нибудь, а местный принц. Которому я вроде бы и должна была помочь... Нет?

Что-то я запуталась.

– Ага, – говорю я. – То есть вашу... Бэтси надо просто вернуть, да?

Цветочница вытирает слезы грязным кружевным фартуком и смотрит на меня с надеждой.

– Ясно. Тогда скажите дорогу до дворца. А то я заблужусь. И там есть что-то вроде приемных часов?... А то вломлюсь, как какая-нибудь деревенщина, не вовремя, мама опять расстроится, – мстительно добавляю я.

– Что ты?! – пугается цветочница. – Нельзя тебе во дворец!

Причину, почему нельзя, и как я спасу эту Бэтси, которая во дворце, не приближаясь к этому самому дворцу, мы как раз выясняем, когда в дверь требовательно стучат. Кажется, даже ногами. Цветочница бледнеет, но спешит открыть – а потом меня в рекордные сроки хватают, толкают в карету и снова куда-то везут.

Как оказывается, во дворец.

И здесь – ну просто проклятие какое-то! – меня снова запикивают в купальню, передевают, пытаются справиться с моими волосами... Потом, надушенную и умытую, сдают на руки какому-то старикашке, похожему на унылого бульдога. Тот скептически меня оглядывает, прищмокивает, но вроде бы остается доволен. И уже он ведет меня в какую-то маленькую комнатку, приказывает сидеть тихо... И прикидывается к двум дырочкам в стене.

Я честно сижу тихо целую минуту, потом подхожу и отвоёвываю себе одну из дырочек. Старик пыхтит, обзывается «крестьянкой» и «невоспитанной девчонкой», но все-таки сдает позиции. Теперь мы смотрим вместе.

Я уже предвкушаю, что узнаю много нового об интимной жизни ниммерийских королевских особ, но вошедший в комнату – спальню вроде бы, хотя кровать я не вижу, зато громадное зеркало на стене и кресло рядом очень намекают, что это или спальня, или гардеробная;

правда, для второй мало шкафов. Так вот, вошедший юноша (принц, наверное?) ничего такого не делает – он просто становится перед зеркалом, смутно знакомым жестом откидывает челку со лба... И торжественно спрашивает, кто самая красивая дева в его королевстве.

Зеркало отвечает. Точнее, показывает. Меня.

Кажется, я неприлично выражаюсь, но именно в этот момент старик хватается меня за руку и выталкивает в комнату через потайную дверь.

– Ах, советник! – восклицает юноша, даже не поворачиваясь к нам. – Вы как всегда быстры! И именно эта девушка... Благодарю вас, благодарю...

Старик кланяется, пытается заставить и меня присесть в реверансе, но я вырываюсь. В итоге он бормочет что-то сердитое про невоспитанных девчонок и так, в поклоне, уходит.

– Милая красавица, – смеется юноша, – надеюсь, ты не откажешься скрасить мне этот вечер?

И оборачивается.

Я неприлично фыркаю. А потом улыбаюсь. До ушей. Кажется, юноша тоже чувствует, замечает во мне что-то знакомое, потому что удивленно отступает к зеркалу (в котором почему-то не отражается).

И я вспоминаю моего (точнее, тогда еще Роз) одноклассника-хулигана, который смеялся над моей лягушачьей внешностью и предлагал мне свидание, чтобы я стала еще одной принцессой в его коллекции. Ах да, и Дамиан еще с ним постоянно дрался.

– Ну конечно, не откажусь. Я вся твоя, если моей зеленой сыпи не испугаешься. Кстати, привет, Вейл.

Глава 3, ***в которой я попадаю на бал злодеев, снимаю*** ***проклятие демона и проваливаю свое первое задание***

– Я в замешательстве, моя дорогая, – удивленно поднимает брови Вейл. Брови на его оливковой коже словно выведены углем, и каждое движение выверено до мелочей – даже такой простой жест изумления. Неужели все это только для того, чтобы очаровать очередную «гостью»? Он же не всегда такой... совершенно-соблазнительный. Ха, да в школе он просто хулиган! – Мне кажется... Нет, я уверен, что запомнил бы, имей я удовольствие познакомиться с такой красавицей раньше.

Рядом с ним так и хочется сделать что-нибудь грубое или неприличное – рожицу состроить, например. Как-то разбить эту совершенную картинку «Очаровательный мальчик ухаживает за девушкой в замешательстве». Господи, это просто ненормально! Как будто мы на сцене.

Как будто за нами подсматривают...

Но рядом же больше никого нет.

Выдохнув, я отбрасываю эти мысли – кажется, я просто становлюсь параноиком. Это все Ромион, надо с ним поменьше общаться. Его мнительность заразительна.

– Я тоже в замешательстве. Раньше ты приглашал послушать соловьев в лунную рощу, а не тащил насильно во дворец. – Случайно бросаю взгляд Вейлу через плечо и с изумлением понимаю, что в зеркале тоже не отражаюсь. – Эм-м-м, по-моему, с ним что-то не так. С твоим зеркалом.

Вейл удивленно моргает, потом открывает рот... И тут же становится похожим на загнанного в угол хорька. Вот это уже нормально, привычно – он так всегда выглядит, когда у доски, в смысле, у зеркала отвечает. Так что я улыбаюсь с облегчением и спешу заметить:

– В Сиерне есть очень хороший специалист по зеркалам – королева Изабелла. То есть бывшая королева, но на ее знания о волшебных зеркалах это не отразилось. Она точно может твое починить. – Тут я вспоминаю, как «специалист» отреагировала на то зеркало, в котором на вопрос «кто краше всех» появилась заколдованная я... Может, не стоило королеву так расхваливать? Да и вообще, что я несу?..

Так что я сконфуженно замолкаю и принимаюсь оглядываться. Взгляд приковывает только окно – оно здесь большое, не зашторенное, и закат в нем сейчас догорает очень красиво. А еще я вижу шпили других дворцовых башен. И отстраненно отмечаю, что – ну вдруг – через окно сбежать не получится. Если только внизу нет удобного карниза.

Надо проверить.

– Сдаюсь, – останавливает меня Вейл. – Красавица, ты кто?

Красавица? А жабой совсем недавно обзывал!

– Виола, – отвечаю я, чувствуя, что объяснения только начинаются.

Да, определенно: Вейл смотрит на меня уже без этих своих чарующих примочек вроде идеально изогнутой брови или улыбки, которой в Голливуде позавидуют. И совершенно точно не узнает.

Нет, это просто неприлично! Пусть узнает и удивится. Узнает и пожалеет, что такая вот красотка от него ускользнула. Узнает и...

Да что со мной такое? Какое мне дело, что этот... принц обо мне думает?..

Стоп-стоп-стоп. Что-то не так. Что-то совершенно точно не так с этим местом. Я здесь глупею. Катастрофически.

А может, я просто начала превращаться в фею и это – побочный эффект?

Нет, лучше думать, что дворец с Вейлом виноваты... Что? Снова всю вину на других сваливать?

Но я же говорю, тут что-то не так.

– У меня в школе нет ни одной знакомой Виолы, – говорит тем временем Вейл и задумчиво хмурится. – Да и как возможно, чтобы кто-то из моих одноклассниц вдруг оказался здесь? Все же знают...

Что? Что все знают? Мама, ты куда меня отправила?

Не могла же она послать меня туда, где мне грозит опасность, правда?

– Но ты мне кого-то напоминаешь, – продолжает Вейл, – особенно когда улыбаешься. – Он одаривает меня тяжелым взглядом. – Попробуем снова. Кто ты?

– Виола. Это мое настоящее имя. И да, мы познакомились в школе в Сиерне, только я тогда назвалась Розалиндой – так мою сестру зовут, – и еще я была зеленая и вообще напоминала лягушку... Ты уже вспомнил, или мне и дальше представляться?

Вейл снова открывает рот... И мгновение спустя начинает хохотать. Но даже смех звучит неестественно.

«Странно-странным-странным!» – колокольчиком звенит в голове тревожная мысль. И ей в унисон: «Опасность!»

Я отступаю к дивану у окна. А Вейл все смеется:

– Да... да ладно!.. Роз?... Та жаба?..

– А это обидно, между прочим.

Но Вейл все никак не остановится – ровно до тех пор, пока я не кидаю в него диванной подушкой. Только тогда затихает – больше от удивления, по-моему.

Кажется, мама бы мной в этот момент не гордилась...

– погоди, но Розалинда – человеческая принцесса, а ты... Звезды, да ты же фея! – выдыхает он вдруг и взволнованно тянет себя за прядь волос у виска. Наверное, нервная привычка.

Делаю последний шаг к дивану.

– Ну, фея. У меня что, на лице написано? – Я оглядываюсь на зеркало, но мое отражение в нем так и не появилось. – Я же говорю: в школе я назвалась именем сестры, потому что... надо было, в общем. А тут я теперь, хм, настоящая...

– И кто тебя расколдовал? – Вейл садится на подлокотник дивана, кивает мне, и, поколебавшись (Да в самом деле, что такое со мной? Это всего лишь мой одноклассник!), я сажусь на диванную подушку.

Вейл улыбается и с интересом экспериментатора вглядывается в мое лицо.

– Забавно, я слышал, невесту Ромиона зовут Виолой. Ту, что стала ею после Розалинды... Звезды, как же это запутанно!

– Именно, – натянуто улыбаюсь я. Мне с каждой минутой все страшнее, и хуже всего, что я не понимаю, чего боюсь. – Поэтому давай для экономии времени мы сделаем вид, что я тебе все объяснила, ты все понял и мы уже переходим к той части, в которой ты рассказываешь, почему ты... Послушай, ты правда находишь себе девчонок, спрашивая волшебное зеркало, кто всех прекрасней в твоей стране?

– Именно... – Вейл не видит в этом ничего смешного. Вместо этого он зачем-то подцепляет пальцем мою прядь и сжимает в руке. – Значит, Виола? – Он снова улыбается, и его совершенное очарование возвращается. В ответ у меня в голове прямо-таки грохочет сигнал тревоги. Но это же глупо – встать, развернуться и уйти... Или нет?

– Ты, конечно, любишь мед? – глубоким, чувственным голосом говорит вдруг Вейл. – Позволь предложить тебе медовые руле...

– Что ты делаешь с моими волосами? – Мой вопрос похож на вскрик. Или, скорее, на визг.

Идея сбежать – и даже через окно, и даже не посмотрев, есть там карниз или нет, – уже не кажется такой бредовой.

Наоборот, она мне с каждым мгновением все больше нравится.

А Вейл все наклоняется и наклоняется ко мне... слишком близко... и эта близость как будто лишает меня сил, приковывает к дивану, не дает двинуться. Уверена, Вейл это как-то чувствует, но продолжает:

– Ниммерия славится своими лугами, так что мед у нас на любой вкус... Тебе понравится... Фея...

– Ты знаешь... – Пытаясь сбросить с себя оцепенение, я отодвигаюсь, но Вейл тянется следом, сползает на подушки. Так мы «путешествуем» к другому подлокотнику, где я оказываюсь зажата между Вейлом, этим самым подлокотником и спинкой дивана. – Вообще-то... Я на самом деле... не очень люблю мед... И луга тоже... Вейл, что ты делаешь? Отпусти мои волосы!

Но он только берет меня за плечи, поворачивает к себе, и слабость усиливается. Дуря от нее, я поднимаю руку – на это у меня еще сил хватает – и прижимаю палец к губам Вейла, которые уже непозволительно близко.

– Прекрати сейчас же... И... имей в виду: у меня очень ревнивый парень. И он о-о-очень злой. Так что если тебе дорога жизнь...

– Это ты про бастарда, что ли? – удивляется Вейл и на мгновение отстраняется. Достаточно, чтобы мне стало легче.

– Да. – Я пытаюсь встать, но этот... ниммерийский принц меня так прижал к подлокотнику, что я могу только бесполезно дергаться. Как пришпиленная бабочка. – Его зовут Дамиан. Вейл, отпусти меня немедленно.

Но он только усмехается и снова тянется ко мне.

– Не сопротивляйся... фея... Поверь, оно того стоит...

Дальше я эту чепуху не слушаю – потому что нахожу рукой на столике сбоку подсвечник и, недолго думая, опускаю его Вейлу на голову. И пусть благодарит свои звезды за то, что свечи в нем не горели, а я не могла как следует размахнуться.

А потом смотрю – подальше, у окна (нет карниза!), – как он морщится, потирая ссадину у виска... Вспоминаю, что мама говорила помочь принцу... А не подсвечниками бить.

Это было бы очень по, хм, феевски – помочь парню, зацеловав его до невменяемого состояния, – успокаиваю я себя. А именно это с Вейлом бы случилось. Или со мной? У меня же до сих пор голова кружится.

– Не подходи! Или я... я буду защищаться! – предупреждаю, выставя перед собой подсвечник, когда Вейл поднимается с колен.

– Виола, это не смешно! – огрызается он. – Сейчас пробьет полночь. – Я нервно оглядываюсь на часы – да ладно, уже? Нет, еще только десять. А Вейл продолжает: – И после полуночи без моего поцелуя ты умрешь, и у меня даже не будет надежды когда-нибудь тебя оживить.

Ага. Кажется, мы потихоньку приближаемся к той проблеме, из-за которой я здесь. Всего-то надо было разок двинуть парня подсвечником.

– А можно подробнее? Желательно с того места, где я должна умереть.

Вейл смотрит на меня – с подсвечником наперевес, – вздыхает, и уже не чарующе совершенный – обычный парень (хотя, признаю, внешность у него экзотическая) кивает в сторону неприметной дверцы:

– Идем, покажу.

... – Сначала я предупреждал каждую, чтобы она просто не заглядывала в эту комнату. Давал ключ и требовал, чтобы она им не пользовалась.

– Ну ты и садист.

Вейл смотрит на меня и вздыхает:

– Как скажешь – что бы это ни значило. Так вот, я давал ключ, а потом уезжал в школу. Девушки были довольны – я их из бедных в основном брал. Они жили во дворце, купались в роскоши – и всего-то за это нужно было не открывать дверь, к которой мой маг прикрепил это... проклятие. Но каждый раз, когда я возвращался – всегда, абсолютно всегда, даже когда я давал не тот ключ, – они уже были здесь. – Вейл грустно кивает на круглую залу без окон, пыльную и очень скромно украшенную деревянной резьбой на панелях у потолка... и полную хрустальных гробов. Их так много, что многие стоят друг на друге – в три ряда, а у порога уже растет четвертый. – Это было раньше. Сейчас проклятие стало еще сильнее: несчастной красавице удастся продержаться со мной только до полуночи, а потом, если я ее не поцелую, у меня на руках останется ее тело. А если поцелую, то – вот, – он снова указывает на гробы.

– Печально. – На мгновение мне становится любопытно: он всех этих красавиц только целовал или... Настолько любопытно, что я даже собираюсь спросить. А потом встречаюсь с Вейлом взглядом и понимаю, что нет, мне неинтересно. Совсем.

И глаза его черные, как угольки на лице, мне не нравятся!

Совсем.

Кажется, это снова начинается: его очарование.

Я дышу глубже и пытаюсь себя отвлечь. А в голове бьется мысль: утром я на мужчин так же действовала? Хотя нет, они все очень живенько мне в любви признавались, а не соловели штабелями мне под ноги.

– Послушай, а в школе... – «у тебя есть такая же комнатка?» я спросить не успеваю, Вейл перебивает:

– А в школе проклятие не действует. Собственно, оно нигде не действует, кроме Ниммерии. И да, я знаю, что ты сейчас скажешь – я бы сбежал отсюда уже давно, но моя мама – вон она, кстати, в первом ряду лежит... И не надо на меня так смотреть, она просто поцеловала меня на ночь! А потом, – голос Вейла вздрагивает, и я против воли смотрю на пыльный гроб. – Вот поэтому я вынужден постоянно возвращаться в этот опостылевший дворец. Теперь и вовсе каждый вечер – подписывать горы бумаг, танцевать на балах, выбирать себе очередную... жертву и...

– А зеркало прилагалось к проклятию? – перебиваю я.

– Да. Оно появилось в первую же ночь. – Вейл поднимает с пола мой подсвечник и, размахнувшись, бросает. Я вздрагиваю, но... ничего не происходит. Осколки зеркала не брызжут, звона нет – ничего. Как висело, так и висит. Кстати, комната в нем тоже не отражается.

– Не бьется, как видишь, – отмечает Вейл. Потом смотрит на меня. – Твоя очередь. Что ты забыла в моем королевстве, фея? Ни одна красавица в здравом уме в Ниммерию не сунется, все знают про проклятие.

– Я не знала. Вейл, по-хорошему предупреждаю, не подходи ко мне близко. – Я на всякий случай отступаю к двери потайной комнатки. Оказаться зажатой меж этих гробов... Нет уж.

– Виола! – Вейл улыбается. Хищно. – Поверь мне, я хорошо целуюсь. У меня было столько девушек, что и не сосчитать.

– Угу, – отступаю за порог. – И каждая тебе говорила, что ты хорошо целуешься? Мне жаль тебя разочаровывать, но по крайней мере половина твоих... девушек просто не могла пошевелиться, когда ты... Вейл, я сказала: не подходи!

– Во-первых, – плевать он хотел на мои предупреждения, – в школе проклятие не действует и ни одна из моих спутниц не жаловалась. А во-вторых... Ты что, правда так хочешь умереть? Сильнее, чем всего лишь со мной поцеловаться?

– Мне сестра говорила, что со «всего лишь» все только начинается, – бурчу я. – Вейл, я не собираюсь умирать. Я фея, и вообще-то предполагается, что я как-то сниму с тебя это проклятие. Ну что ты смеешься?

– Виола, его уже почти пять лет снять не могут, – усмехается Вейл. – Это не то, что говорят девушке на первом свидании, но я не верю, что такая милашка, как ты, справится. Ты еще месяц назад колдовать не умела!

– Я и сейчас не умею, – с достоинством говорю я. – Но как показывает недавняя история с королевой Сиерны, магия не главное. Стой, где стоишь! – Я прижимаюсь спиной к стене. Все, дальше отступать некуда, а на меня уже накатывает слабость.

Но Вейл действительно останавливается. Окидывает меня долгим взглядом и вдруг усмехается.

– Звезды, я еще ни разу не делал это насильно. И начинать не намерен. Ну и что ты предлагаешь? – Это он уже мне.

– Открой окно, – слабо прошу я. «И вывались наружу». Но нет, нельзя же говорить такое принцу, в гостях у которого ты оказалась. Пусть и насильно. – Спасибо. Да, – вздыхаю. Правда легче стало. Пусть за окном давно сгустились сумерки, но они звенят сверчками, и мне уже не кажется, что я заперта в одном из гробов потайной комнаты. – У тебя есть шахматы?

– Мы будем играть в... шахматы? – ядовито интересуется Вейл. – Да. Есть. Виола, ты просто расширяешь границы моих познаний. Никогда не ухаживал за девушкой... во время игры в шахматы.

– И не начинай, – предупреждаю я. – Мы просто скоротаем время.

– Не понимаю: что тебя не устраивает? – бормочет Вейл, шагая к двери – позвать слуг. – С бастардом ты была куда как ласкова.

– Потому что Дамиан меня любит! – вскидываюсь я.

– Я прикажу поставить ему памятник, – роняет Вейл, прежде чем скрыться за дверью. Вовремя – еще одна диванная подушка мажет мимо цели.

– Ты там про мед что-то говорил, – кричу я ему вслед. А что? Умирать – так со сладким.

Или от скуки. Вейл паршиво играет в шахматы. Даже нет – безумно паршиво, он конем пытался ходить как ферзем, потому что «это же всадник!». Не вижу в этом смысла, но Вейл – видит. Почему-то он уверен, что всадник может все. Хм, может, всех принцев этому учат? Что они непобедимы? Потому что на конях? Делаю мысленную заметку сыграть в шахматы с Ромионом. Если не помру сейчас от скуки.

– Шах. Твой ход.

Вейл зевает и бессмысленно смотрит на доску. Там его несчастный король отрезан от не менее несчастного коня (я оставила беднягу в «живых» из чистой вежливости), еще пара пешек мечется где-то в центре, но в целом и так понятно, кто выиграл. Так что выбор у Вейла невелик.

Был. Пока этот слабак не упал лицом на шахматную доску, раскидав фигуры.

– Эй! Вейл, ты что?..

– Я спать хочу, – бормочет тот. – Звезды, ни с одной девушкой я еще так смертельно не уставал. Как... бастард... тебя выдерживает?

Я бросаю в него черным королем, но Вейл даже не отмахивается.

– Его зовут Дамиан!

– Без разницы. – Он снова зевает и опять пристраивается спать на доске.

– Эй! – Вейл не реагирует, и я трясую его за плечо. – Ты, может, хоть на кровать переберешься? Я по-джентльменски ее тебе уступлю.

– Ну да. Мою же кровать. – Вейл пытается встать, но тут же падает обратно в кресло. – М-м-м, что это я?.. Виола, не молчи, мне так легче сосредоточиться.

– Да зачем? Ложись и спи в свое удовольствие, а я твое проклятие посторожу, – фыркаю я, собирая фигурки. – Все равно от тебя толку... Тоже мне, принц.

– Не-е-ет, я не хочу... пропустить момент... когда же ты наконец... умрешь...

– Чего?!

Вейл сонно – и как будто пьяно – смеется и заплетающимся языком просит:

– Не молчи.

– А что, хочешь, я скажу, что о тебе думаю? Тогда ты точно никогда не заснешь. Ладно, ладно. Вот скажи, а хрустальный гроб вокруг тех девушек в комнате, он из чего образуется? И сразу, как только они замертво падают, или чуть погодя? И почему гроб? Это типа бонус, да? За поцелуй?

– Они не... замертво... Они... засыпают, – бормочет Вейл и закрывает глаза.

– Засыпают? – Я вспоминаю свою слабость, когда он пытался меня поцеловать. Смотрю на спящего Вейла. – Эй! Эй, а ну проснись! Вейл! Это же я должна заснуть! Или умереть, а не... ты...

Но он уже спит, крепко, и даже хлопок в ладоши над его ухом не работает (а ведь всегда срабатывал – на папе, на сестре, на крестной...).

Черт, черт, черт! Это что... что происходит?

Что я сделала?

По наитию я подхожу к зеркалу и нагло интересуюсь:

– Ну, кто краше всех?

И зеркало являет наконец отражение. Вейла. Долго так, еще и вертит на манер 3D-показа.

Я падаю на диван и сжимаю виски пальцами. Господи, где же я прокололась? Мама же не хотела... Не этого она хотела!

И как я теперь расскажу ниммерийцам, что их принц... м-м-м... того? Спит. Кажется, надолго. Может, даже навсегда.

И ладно – как скажу? А вот что они в ответ скажут?...

Мда, вот это я влипла.

Утром я просыпаюсь на диване от того, что браслет Дамиана очень жжет мне руку. Чувствуя себя совершенно несчастной и абсолютно разбитой (если не крепче – в смысле, слово стоило выбрать покрепче), я вспоминаю, где я и зачем...

Попытку оуклиться под пледом на диване прерывает голос Дамиана. Даже не столько голос, сколько звучащее в нем восхищение поровну с ужасом.

– Звезды, Виола... Что ты с ним сделала?

От его голоса у меня екает сердце и нехорошее предчувствие подкрадывается, норовя выдернуть из-под пледа... Я встаю сама – точнее, приподнимаюсь на локтях. И, щурясь, смотрю туда же, куда глядит Дамиан.

Вейл, красиво уложенный в гроб, мирно спит, а грани хрусталя играют в солнечных лучах очень весело, по-праздничному.

– А-а-а! – фыркаю я. – Всего-то! – и снова падаю на диван.

– Всего-то! – повторяет Дамиан, на цыпочках обходя гроб. Ха, он что, правда боится, что Вейл проснется? – *Как* ты это сделала?

– Если б я знала...

Да, я боялась реакции ниммерийцев. Ну, вроде как их принц теперь не знай сколько проспится, и все такое. О будущем надо думать – кто ж править будет? В Сиерне, по словам Ромиона, подобная ситуация привела бы к катастрофе.

Так вот, это в Сиерне. Я говорила, что здешние королевства похожи как две капли воды? Ничего подобного!

Ниммерийцы сказали: «Е-ху-у-у!» Ниммерийцы сказали: «Наконец-то наши дочери в безопасности!» Ниммерийцы сказали: «Уважаемая фея, ты наша спасительница, как нам тебя отблагодарить?»

А потом долго гнались за мной по всему дворцу с цветами, плакатами «Прекрасной избавительнице» и венками, пока я не забилась в какой-то чулан, где меня нашел Дамиан. Успокоил, принес чашку горячего шоколада, пять раз сказал, что еще не все потеряно и «да, твоя

матушка хотела не этого, но мы еще все исправим». Он же дал совет изучить странное зеркало, потому что оно совершенно точно связано с проклятием.

Так что мы до вечера запираемся в спальне Вейла – это несложно, там все равно, кроме спящих в гробах, никого сейчас нет. И изучаем зеркало. Точнее, изучает Дамиан, а я пытаюсь не мешать, но то и дело спрашиваю: «Ну как? Ну что? Что-нибудь изменилось?» Дамиан молча становится на колени, принимается что-то чертить на полу (Вейл ведь уже не будет против). Потом мрачно затирает нарисованное носком сапога, и все повторяется заново: изучение, мои вопросы, рисунки...

К вечеру мы так ничего и не узнаем.

К полуночи мы молча сидим рядышком на диване, депрессивно глотаем горячий шоколад и смотрим на зеркало.

– А может, ну его? – говорю я наконец.

– Виола, а как же твоя мать?.. – говорит Дамиан, но я слышу в его голосе надежду.

– Да ладно, как-нибудь договоримся. Ну какая из меня фея?

– На самом деле... – Тут Дамиан замолкает и снова смотрит на зеркало. – Постой-ка...

И, вручив мне свою кружку, снова подходит к зеркалу.

– Ну и кто всех прекраснее?

Зеркало молчит. То есть ничего не показывает.

Дамиан прищуривается.

– Кто?

Молчание.

– А ну говори!..

Молчание.

Дамиан поворачивается ко мне:

– Виола, закрой уши.

– Что? Зачем?

– Пожалуйста.

– Ладно. – Я закрываю и... Ну, просто потому, что времени проходит довольно много, я их чуть приоткрываю. Ну, уши.

Ха, а я-то думала, Дамиан колдует... А он ругается. Зато как!..

Надо взять у него парочку уроков – специально для одноклассников. Или для папиных друзей. Их сыновья, когда напьются, тоже такую ахиною несут... Так вот, буду своей в их компании.

Тут зеркало мигает и показывает – красивого, просто сногшибательного мужчину, очень похожего на Вейла, только вовсе не эльфа, как я думала. Эльфы же длинноухие, тонкокостные, а не... Хм, тут мускулатурой бог не обделил, нет... И харизмой наверняка – она во взгляде прямо большими буквами написана. Такого на улице увидишь – сама штабелем упадешь. Невольно. Ну а вдруг споткнется?

– Я так и знал, – бормочет Дамиан. Потом протягивает руку, и та проходит в зеркало, как сквозь туман.

На руке Дамиан не останавливается – он весь подается вперед, делает шаг...

– Постой! – Я вскакиваю с дивана. – Ты куда?

Дамиан оборачивается и взглядом пытается пригвоздить меня к месту, при этом становясь неприятно похожим на своего брата.

– Виола, останься, пожалуйста. Я сам разберусь.

В такие моменты очень жалеешь, что у тебя под рукой нет сковородки. Или хотя бы скалки. На худой конец подсвечника.

– Дамиан, вернись и объясни, – пытаюсь хотя бы казаться спокойной, прошу я. А потом вежливо добавляю: – Пожалуйста.

Дамиан улыбается мне ободряюще и кивает:

– Обязательно. Когда я вернусь, я все объясню.

– Дамиан, но это же мое задание!..

– Девушке там не место, Виола, – и шагает в зеркало.

Минуту я сама себе напоминаю выброшенную на берег рыбу. Знаете, она кроме как рот разевает, еще хвостом по песку бьет. Я тоже бью – все, что бьется у Вейла в спальне (не очень много на самом деле). И только добравшись до гробов, вспоминаю, когда в моей жизни была такая же ситуация.

Очевидно, братья похожи сильнее, чем им кажется. Замашки «ты – женщина, сиди в башне» у них совершенно одинаковые.

Ну ладно. Ладно же. Прошлый раз я выпрыгнула из башни, и ничем хорошим это не кончилось. Теперь будет умнее.

Я подбегаю к зеркалу и бьюсь об него лбом. Зеркалу хоть бы хны, мне – больно.

– Ну хорошо, – вглядываюсь в туманную даль стекла. – Сим-сим, откройся.

Ничего не меняется.

– Ну пожалуйста, дай пройти! – меняю тактику я.

Ничего не происходит.

Я поднимаю на уровень глаз руку с браслетом Дамиана и прошу:

– Помоги!

Никаких изменений.

Тогда я зло поворачиваюсь к зеркалу и на-гора выдаю кое-что из недавних эпитетов Дамиана.

Угу, и вы уже решили, что помогло? Так вот нет.

Полчаса спустя, уставшая, расстроенная, я сажусь на диван, оглядываю взглядом комнату в поисках чего-нибудь тяжелого и передразниваю:

– «Вернусь – объясню!» Я ему вернусь!.. Пусть только сунется... А вот если бы ты меня к нему пустило, – это я зеркалу, – я бы показала уже сейчас!

Тут зеркало мигает, мерцает, стекло пропадает – вместо него колеблется белая дымка вроде тумана.

В нарушение всех правил осторожности и сказочной БЖД я бросаюсь в эту дымку – и только на периферии сознания проносится мысль: «А вдруг этот туман ядовит?» Но уже поздно.

И он не ядовит.

Наверное.

Ну, пока мне вроде не плохо. Если только топчущийся перед воротами готичного замка Дамиан мне не мерещится.

Темное-синее небо, на нем громадная луна, которую даже облака, подгоняемые ветром, надолго не заслоняют. Но тени на землю бросают, и в этих тенях замок кажется еще более зловещим: такие в фильмах обычно принадлежат вампирам. Переброшенный через ров дощатый мост скрипит под ногами – и это несмотря на то, что я иду на цыпочках, потому что снова оделась, а точнее, обулась не по сезону. Если быть совсем точной, то туфли я потеряла в спальне Вейла еще вчера, что во дворце проблемой не было: там ковры и паркет. А здесь скользкие, холодные, все в занозах доски. Еще и скрипят.

А Дамиан и не слышит. Сидит себе у ворот перед каменной горгульей в позе мыслителя и выглядит очень задумчивым и очень несчастным. А так ему и надо – будет знать, как девушек в башнях запирают!

И если я подойду ближе и позову, он меня заметит и отправит назад – понимаю я. Поэтому так же на цыпочках, но уже по каменной плитке (холодная!) я сдаю влево и еще влево, к крепостной стене, прячусь в ее тени и крадусь дальше. Метров через сто понимаю, что так

просто обогну замок по кругу и вернусь к Дамиану, а так как идей – что делать дальше? – у меня никаких, придется, видимо, возвращаться к зеркалу. Это унижительно – самой лезть в свою клетку, точнее, башню. Может, все-таки попытаться договориться с Дамианом? Но это тоже унижительно – договариваться с человеком, который тебя в башне бросил и на которого ты обижена, а он еще не попросил прощения...

– Добро пожаловать на мрачный бал всех злобных, пугающих и ужаснейших злодеев, – скрипит вдруг чей-то голос, и я, вздрогнув, поднимаю голову.

И встречаюсь взглядом с горгульей – ровно такой, рядом с которой сидит у ворот, задумавшись, Дамиан.

– Предъявите ваше приглашение, – скрипит горгулья.

– Э-э-э... – Бал? Приглашение? Злодеев?! Придя в себя, я повторяю: – Приглашение? Я его... м-м-м... дома забыла.

Вот оно! Если появился злодей, значит, сказка продолжается – и есть возможность снять проклятие с Вейла и десятка спящих в гробах девушек. А не вернуться к маме с пустыми руками.

Горгулья не мигая – да и странно, если бы она мигала, она же каменная, – смотрит на меня и совершенно точно не одобряет.

– Тогда я не могу позволить вам пройти.

Я тоже на нее смотрю. Тоже не одобряю.

– И вы собираетесь держать замерзшую босую девушку за воротами?

Горгулья склоняет длинную птичью шею – каждое каменное перышко противно скрипит.

– Героям не место на балу злодеев.

– А кто сказал, что я герой? – изумляюсь я. – Я еще какой злодей! Вы таких, как я, никогда не видели.

Горгулья нависает надо мной – но уже не страшно, скорее обидно. Тоже мне, закрытая вечеринка! Я что, фэйсконтроль не прохожу? Потому что босая?!

Это дискриминация, в конце концов! По признаку обуви.

– Докажите, – решает наконец горгулья. – Что вы сделали злобного?

– М-м-м... Я заставила заснуть вечным сном в хрустальном гробу пригласившего меня в свой дворец принца. Без возможности проснуться. И это только вчера. А еще я... м-м-м... сняла проклятие мертвого сна с другого принца, чтобы потом перед всем королевством сказать ему «нет» у алтаря. А потом...

Но горгулья машет каменными крыльями, чуть не сбивая меня с ног и заставляя замолчать.

– Добро пожаловать, Ваше Злобнейшество.

– Уже? Но я еще не закончила...

– ...Как вы хотите появиться на балу? Я могу вам чем-нибудь помочь? Провести вас через парадный портал, или к галерее пыток, или...

– Спасибо, но будет достаточно, если вы меня просто перебросите через эту стену и покажете дорогу.

Горгулья приседает передо мной:

– Забирайтесь мне на спину, госпожа.

Я окончательно рву подол платья, в которое меня одели во дворце Вейла. Ну и не больно-то оно мне нравилось. Никогда не любила розы, особенно на ткани типа «тюль». Я в ней была похожа на балерину, а сейчас вполне, наверное, напоминаю злодейку. Еще бы оставшиеся розы перекрасить в черный...

– Может быть, мне отнести вас в комнаты отдыха, госпожа? – словно прочитав мои мысли, интересуется услужливая горгулья.

– А они как-нибудь связаны с пытками? – на всякий случай спрашиваю я. – А то у меня на пытки аллергия.

– Нет, госпожа, – успокаивает горгулья и поднимается в воздух, а я, распластавшись на ее спине, чувствую себя припиленной бабочкой. Только бы не упасть!

Внизу проносится стена, по которой бродят какие-то тени, на поверку оказывающиеся троллями. Наверное, стража. А еще Дамиан все никак не разберется со своей горгульей у ворот.

– А этому юноше внизу тоже нужно доказать, что он злодей?

– Да, госпожа. Только пока он ведет себя как настоящий герой, а героям не место в замке зла.

– Да, это я уже поняла. Он рассказал, как он требует кровь и девственниц у своих сокамерников, простите, соседей по общежитию?

Горгулья принимается парить над шпилями башен – ветер противно свистит у меня в ушах и пытается содрать с каменной спины, но я «пришпиливаюсь» крепче.

– Госпожа, это детские игры для настоящего злодея. Он не убил ни одного человека и не разрушил ничье счастье – как вы, например. Я прошу прощения, что сразу не признала вас, темная госпожа.

– А-а-а... Ага.

Полет наконец заканчивается, когда горгулья, зацепившись когтями за балкончик – слишком узкий для того, чтобы она могла на него спокойно приземлиться, – вытягивает крыло на манер моста.

– Прошу вас, госпожа.

– Ага. Спасибо. – Я вдыхаю – для смелости – и шагаю к окну. Створки распахиваются мне навстречу, как двери, и минуту спустя (пока я перешагиваю через воткнутые лезвием вверх на подоконнике ножи) оказываюсь в мрачной готичной комнате: каменные стены, громадные зеркала, еле-еле горящий камин, дымящиеся свечи и змеи, свисающие гирляндами с потолка.

Но хуже всего те, кто поворачивается мне навстречу: по крайней мере трое из них... э-э-э... трупы. Женские. Одна в бинтах на манер мумии, другая голая (и от ее живота, кишасщего не то червями, не то чем похуже, мне становится плохо), а третья напоминает мертвую невесту. Собственно, они все здесь в платьях, праздничных, бальных платьях, декоративно заляпанных кровью. И украшенных... м-м-м... пальцами?

– Нравится? – улыбается прелестница с голубой кожей, поигрывая своим пояском. Там еще и руки болтаются. Кошмар какой! – Это все принцы. Последняя мода, слышала?

– Раньше мы их просто убивали, – добавляет «невеста». – Это было совершенно непрактично. А ведь убитый принц – это не только труп и уважение, это еще и десять пальцев...

– Можно и с ног срезать, – добавляет дама у зеркала, лаская одну из сотен своих змей. Горгона?

– Фу, на ногах они некрасивые!

– Я прошу прощения, – перебиваю я. – Может быть, кто-нибудь из вас знает, кто наложил проклятие на принца Ниммерии? Я очень хочу поговорить с этим злодеем.

В комнате наступает тишина. Только змеи шипят.

Потом из гроба у двери поднимается что-то вроде зачавшей спящей красавицы (красавицей она была до того, как умерла и зачавла) и с присвистом интересуется:

– А тебе с-с-зачем?

– Потому что принц заснул? – неуверенно отвечаю я. Под взглядом всех этих мертвячек мне становится очень неудобно. И это еще слабо сказано: я вдруг понимаю, что залезла к злодеям, которые с феями вроде меня ни в одной сказке не церемонились.

– И что тебе с заснувшего принца?

– А... М-м-м... – Против воли я смотрю на эти пальцы на поясе... Боже, что я здесь делаю?!

Хоть одна здравая мысль за весь вечер.

– Ну так... он заснул. А я хочу сама его убить. А, во-первых, его гроб не открывается, и, во-вторых, как я его убью, если он уже спит мертвым сном?

Напряжение тут же рассеивается.

– Принца не поделили? – улыбается мне «невеста». – Бывает. Найди его отца, он в зале, как обычно.

– Отца?

– Да, ты его сразу узнаешь, – усмехается та, что со змеями. – Между прочим, – это уже мне вслед, пока я иду к двери (перешагивая через змей и упавшие с чьего-то пояса пальцы), – как тебя зовут? Что-то я тебя раньше, девочка, не встречала.

– Виола.

– Как-то очень она похожа на фею, – слышу я за спиной, берясь за ручку двери.

– Да нет, это только внешнее, ты же видишь.

– А не та ли это Виола, о которой было предсказание?..

Но я уже перешагиваю через порог, и дверь за мной закрывается.

Я оказываюсь в коридоре, освещаемом только факелами, вставленными в пасти каменных монстров. И куда теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.